

Юрий Васильевич Красавин

ДЕЛО СВЯТОЕ

повесть

1.

Он проснулся – чужая постель, чужой воздух, чужая женщина рядом... Первым чувством было недоумение, первой мыслью: “Куда это меня занесло?”. И тотчас вспомнил: “Ах, да...”. Вчерашняя бесконечная дорога с пересадками из одного автобуса в другой – словно долгий полёт из морозного утра через блистающий солнцем день в звездный вечер и ночь; из моторного гула и людского говора, из дорожной тряски в тишину и покой, когда можно слышать, как паучок под потолком в углу прядёт свою паутину.

Та, что спала рядом с ним, повернулась, вздохнула глубоко, поднялась и стала одеваться, не зажигая света. Потом прошла на кухню, щелкнула выключателем и, не опасаясь обеспокоить гостя, звякала ковшиком о ведро, стучала чем-то о стол... может быть, даже намеренно. Вдруг оказалась возле кровати:

- Вставай-вставай... нечего разлеживаться! Мне на работу пора.

Помолчала и добавила сердито:

- Сделал свое дело и уходи.

Соломатин Флавий Михайлович, “сделавший свое дело”, пошевелился, давая понять, что уже не спит, но распоряжению её не внял, потому как вставать не хотелось. Он так рассудил: уж раз оказался тут, то зачем спешить? Еще только светает, весь день впереди, нигде его не ждут... И кто она такая, чтоб так-то командовать им? Не мать, не жена и даже не сестра – просто женщина, с которой он волею случая проспал одну ночь. В конце концов он тут гость, а с гостем надо обращаться ласково. Особенно если он того заслуживает.

- Молоко и хлеб на столе, - продолжала хозяйка дома уверенным тоном, который ясно свидетельствовал, что она не сомневается: её распоряжения будут выполнены. – Наружную дверь запри на замок, ключ положи к окну за наличник.

По голосу её можно было понять, что она хмурится, что она раздосадована. Отчего? Чем она недовольна? Не с той ноги встала?

- Обворую дом, - сказал он сонно.

- На здоровье, - отозвалась она, одеваясь и обуваясь у порога, и добавила потише. – Было бы чего красть.

Он понял, что она сейчас уйдёт, и оставаться тут одному вроде как не с руки.

- Самовар... Куриц с нашести.

Она не приняла его шутки, сказала серьёзно:

- Ничего, милиция найдёт.

Чем он провинился? Спали дружно... разговор перед сном вели задушевные. Теперь же она строго

и требовательно:

- Постарайся, чтоб тебя никто у нас в деревне не видел. Еще не хватало мне, чтоб сплетни потом плели.

Это вместо “до свиданья”, вместе прощального поцелуя, который был бы вполне уместен в данной ситуации. И ушла. Грубиянка... невоспитанная особа... черствая душа.

Флавий Михайлович зябко поёжился под ватным одеялом, словно от подувшего вдруг холодного ветра. Но вчерашнее довольно утомительное путешествие да и чрезвычайные ночные обстоятельства давали о себе знать: вставать не хотелось.

А о самоваре сказал не зря: очень уж он понравился ему вчера: этакий добродушный толстячок – у него замечательное свойство: любое, даже самое скучное лицо зеркально отразит веселым, потому как и сурово сжатый рот на нём улыбается – такая в нем особенность. И шумел забавно, при этом посвистывал – как сверчок.

Флавий Михайлович перевернулся на другой бок и погрузился в полудрёму. Поплыли в памяти события вчерашнего дня: как ехал в междугороднем автобусе из Новгорода в Тверь и познакомился с молодой женщиной, сидевшей рядом; как разговаривали они, чувствуя нарастающее расположение друг к другу. Звали её Ольга, отчества своего она не назвала: молода, мол, еще для отчества. А его имя удивило её настолько, что она переспросила дважды и даже заподозрила, что он иностранец. Соломатин отрицать не стал и несколько развил это её предположение.

- Две тысячи лет назад наш род – род Флавиев в республиканском Риме пользовался большим весом, - объяснил он ей. – Мы дали Риму две императорские династии: первая – Веспасиан, Тит, Домициан – правила лет тридцать; вторая – от Константина Первого до Юлиана – вдвое дольше.

- О Господи! – сказала спутница, пораженная в самое сердце немислимыми ей именами, и повторила их неуверенно. – Веспасиан... Домициан.

Она была далека от познаний в древней истории – это ясно, и тем более понравилась ему, как понравилась и прояснившаяся вдруг древность его собственного рода.

- Была еще третья династия, которая носила имя Флавиев, - охотно вспоминал Соломатин, - она правила сто лет. Так что я прямой потомок... оттуда и угодил прямо сюда.

Тут она засмеялась:

- А как вас жена зовёт? Флавочка? Или... Лава?

- Ворт так: приношу тебе, владыка, величайшую благодарность за то, что ты среди важнейших занятий достаиваешь меня своим руководством, а потому прошу тебя сходить в магазин за хлебом... Или так: не в ущерб величию твоему, владыка, снизойди к моим заботам, раз ты дал мне право обращаться к тебе в сомнительных случаях, а потому подвинься, я лягу...

- Надо же! - простодушно дивилась эта Ольга и вспыхивала смехом.

У неё были редкой красоты зубы – ровненькие, один к одному и сахарной белизны. Она знала это, потому-то столь охотно и улыбалась, и смеялась.

А потом был у них разговор, который ещё более сблизил их. Потому к Твери подъезжали – расставаться не хотелось обоим, и с юношеской безрассудностью Соломатин изменил свой маршрут: сел вместе с нею в другой автобус, поменьше, который повез их в городок районный; а дальнейшее поведение Соломатина было и вовсе дурацким – уже третий автобус, дребезжащий, насквозь простуженный, минут за двадцать доставил их в большое село с церковью, магазином,

школой и даже с двумя уличными фонарями; здесь, как выяснилось, его спутница работала в колхозной конторе то ли бухгалтером, то ли экономистом, а вернее, и тем, и другим. Но жила она отнюдь не в этом селе – им предстоял ещё пеший путь.

“Экой я дурак!” – подивился теперь Соломатин, лёжа в постели и вспоминая.

Уже в вечерней темноте шли они по заснеженному полю, по бездорожью до маленькой деревеньки. Тут отперли дверь дома с темными окнами, на ошупь прошли по сеням - женщина впереди, он за нею – и вступили в промерзшее, словно вовсе нежилое помещение, то есть собственно в избу. Печку растопили, самовар разогрели, ужинали...

Сначала-то, еще в автобусе, общение их происходило весело, как шутка или игра; женщина даже смелей его была, все время сохраняя уверенное положение и даже подтрунивая над ним. Но вот когда шли в деревню её и когда уже отпирали дверь дома, обычное женское кокетство перешло в озабоченность, нараставшее смущение становилось растерянностью... и даже паникой! Это когда он сказал, уже вставая из-за стола, за которым ужинали вдвоём:

- Ну что, Оля, стели постель... пора.

И вот тут полное смятение отразилось на её лице, она выговорила непроизвольно:

- Ой, я боюсь.

Крупная женщина, в цветущем возрасте – двадцати семи или двадцати восьми лет от роду, уже побывавшая замужем... Она не могла смотреть ему в глаза, не могла найти места рукам и голоса своего не слышала.

- Знаете что, вы тут спите, а я к тетке Вале пойду.

Она и впрямь хотела уйти, но он удержал ее, взяв за руку, и так укоризненно покачал головой, что она смутилась ещё больше.

- Да ты что, Оля!

Она села на лавку, встала, опять села, словно боясь постели, будто не постель это, а плаха для казни. Слышно, прошептала:

- Ой, боюсь...

- Ну, от этого ещё никто не умирал, - заметил он ей ради утешения или ободрения. – И не мы с тобой это вообще-то придумали – спать вдвоём.

На что она отозвалась недоверчиво:

- Да?

Тут уж Соломатин совсем развеселился:

- Уверю тебя!

Она засмеялась коротко, словно боязливо.

- Чего ты испугалась-то? – укорил он, легонько подталкивая её к кровати, поторапливал, уже в нетерпении. – Я не резать тебя собираюсь. Давай-давай, раздевайся... не девочка по шестнадцатому годичку.

Разумеется, надо было её обнять и поцеловать, и сказать пылким шепотом нежные слова, но слова эти и шепот – когда люди соединяются по любви, а тут другое... Он и непонятого и самому себе чувства не хотел произносить торопливых, взволнованных слов – душа его протестовала! Он движим был не сердечным и не плотским влечением, а как бы чувством долга.

Наконец, она превозмогла себя, с обреченным видом разобрала постель, сена на край её и опять произнесла растерянно:

- Боюсь.

Он стал расстегивать пуговицы её кофты. Она его оттолкнула:

- Ещё чего! Я сама...

Выключила свет.

- Зачем?! – запротестовал он.

- Что же я, при свете буду раздеваться? – возмутилась она.

Скрипнули половицы. Это она прошла по комнате и повесила что-то в переднем углу, вернулась и стала раздеваться. Он выждал момент, нашёл выключатель, щёлкнул – Ольга, совершенно голая, встав на цыпочки, снимала с полки, которую она почему-то называла грядкой, рубашку белую, ночную. Соломатин мгновенным взглядом охватил её, ахнувшую от возмущения, - очень зрелая женщина, этакого крестьянского склада: у неё большие груди, широкие чресла, будто рожала не раз, крупные тяжелые ноги... толстопятая мужичка, одним словом.

- О, тут делов до фигов! – сказал он весело и больше не церемонился с нею; она же сопротивлялась, оборонялась, выставляя ему навстречу руки локтями вперёд и колени...

2.

- Делов до фигов, - проговорил теперь со вздохом Флавий Михайлович, лежа в постели.

И стал разматывать череду событий в обратном направлении, как кинолентку от финальной сцены к начальной.

Разговор за ужином шел у них почти веселый, только нервное напряжение все время чувствовалось, нарастало; то есть Ольга держалась все-таки скованно, не было в ней прежнего воодушевления или приличествующего моменту взволнованного ожидания, а был страх – именно страх, немало удивлявший и забавлявший его.

“А чему тут удивляться? – сказал он теперь себе. – Живет одна... от мужика отвыкла. Для неё решиться на такое – все равно, что украсть. А уходя, сердилась-то от досады не на меня – на себя: зачем, мол, уступила, допустила... как это, мол, с нею могло произойти? Экое, мол, наваждение!”

От таких мыслей стало легче: не в нём причина – в ней. Значит, и не за что себя корить.

Повеселев, вспоминал дальше. Вчера за ужином он пошучивал над нею, она смеялась, и напряжение спадало. Она очень смешлива. Соломатин так считал: коли кто-то склонен к улыбке да смеху, тот и разумом светел, в нём животное начало отстранено дальше, чем у прочих. Флавию Михайловичу всегда не нравились слишком серьезные люди. Ольга же так и вспыхивала улыбкой или смехом на любую, даже незамысловатую его шутку. Наверно, именно улыбающейся и смеющейся она останется у него в памяти.

И еще несомненное достоинство в ней – замечательная способность слушать: она так внимательно

слушает и так удивляется всему! Такой в ней непритворный интерес!

ДорОгой он рассказывал ей об устройстве античных городов, о внутреннем убранстве афинских да римских жилищ, каковым оно было два или три тысячелетия назад; об архитектурных достоинствах древних храмов: о мостах, колодцах, кораблях, колесницах... о женских нарядах, о театральные представлениях, о том, что и как продавалось на рынках...

Она ухала, удивлялась самому обыкновенному:

- Откуда вы все это знаете?

Увлечение античностью овладело Соломатиным года три назад, после того, как побывал он в туристической поездке по Средиземноморью. Впрочем, путешествие то было предпринято им потому, что уже “стукнуло” в голову: он незадолго перед тем купил по случаю несколько книг – Светония, Плутарха, Тацита, Плиния Старшего – и успел их прочитать.

Флавий Михайлович вдруг полюбил тот далекий во времени и пространстве мир, и чем мрачнее становился для него день сегодняшний, тем лучезарней тот, утонувший в дали времен. То, что он видел вокруг сегодня и что так больно задевало душу – нищие на вокзалах, спившиеся бродяги. Жалкие старушки-торговки на улицах, тугие загривки молодцев, преуспевших в воровстве и разбое, наглые морды чиновников, вымогающих взятку, - все это отвращало его от окружающей жизни. Хотелось бежать куда-то... тем утешительнее было для него погружение в мир давний, далекий, ослепительный благодатным средиземноморским солнцем. Тут как раз и подвернулась эта поездка – Стамбул, Афины, Мальта, Неаполь... Мир нынешний и мир древний совместились чудесным образом; Флавий Михайлович пережил погружение в него так остро, что уже не мог отрешиться.

Он очень живо описал своей дорожной спутнице раннее утро в Помпеях, каким оно было две тысячи лет назад... стук сандалий по каменной мостовой в Афинах... ликование толпы на празднике Великих Дионисий... рёв ослика с тяжелыми корзинами на спине и звуки авлоса (свири) из тенистого сада... зловоние канализационных канав и аромат роз да гиацинтов из внутренних двориков... пенье девушек под лиру или кифару и воркование голубей на черепичных крышах... свары воробьев в кипарисах.

- Разве и там жили воробьи? – удивлялась Ольга, широко раскрывая глаза. – Такие же, как наши?

- Совершенно такие же! То же самой благословенной породы. Кстати сказать, жареные и вареные воробьи были довольно популярным блюдом у древних греков.

Он со снисходительной улыбкой рассказывал ей о том, какую войну вели с вездесущими воробьями древние греки да римляне, и что птица эта была почитаема в храме богини любви Афродиты, потому как любовный пыл воробьев неукротим, и в этом никто не может с ними сравниться, ни среди птиц, ни среди зверей.

- Про людей не говорю, человек – существо особое, ни с кем не сравнимое.

Ольга опять была повержена в изумление, смех овладевал ею, одолевал её.

- Не только воробьи там жили, но и ласточки, и зяблики, и даже, по-моему, синицы.

- Откуда вы все знаете? – удивленно повторяла она.

- Да я же оттуда! – утверждал Флавий Михайлович. – Что, разве по мне это не видно?

Самое забавное: она верила ему! По мере того, как он ей рассказывал, верила все больше и больше.

Он с любопытством приглядывался к ней: отнюдь не красавица... пожалуй, полнолица больше

меры, с крупным носом... две большие бородавки – одна на щеке, другая под левой бровью – тоже отнюдь не украшали её. Но ведь и некрасивой не назовешь! Когда улыбалась, очень хорошела, и переход от серьёзного состояния в смешливое происходил в ней легко, мгновенно, она как бы вспыхивала живым светом!

...Вчерашнее вспоминалось теперь. Отрадно, и не хотелось Соломатину отгонять эти думы: более того, поймал себя на том, что ему приятно присутствие этой женщины в его сознании. И, поймав, удивился: это ведь при том, что в постели она не проявила ни страсти, ни нежности, а потому не доставила большой радости – просто покорилась и перетерпывала его самоуправство, сосредоточенно сжав губы и постанывая отнюдь не от любовных порывов, а от причиняемых ей неудобств. Именно перетерпывала, даже сказала не без досады: “Долго ещё?” - что сразу охладило его пыл, потому что отступился разочарованно.

Теперь вот ушла, сказав: сделал-де свое дело и – проваливай, больше не нужен.

“Не понравился я ей, что ли? – самолюбиво подумал Соломатин. – Если так, то чем? Трудился слишком азартно? Ну, не как воробей, конечно, а значительно уступая”.

А не слишком ли холоден её любовный темперамент? Экая коровица!.. Её можно в натурщицы – когда ваяют богиню плодородия Деметру... Такой только рожать, а в любовницы она не годится. Верно говорят, что иногда встречаются такие не проснувшиеся натуры... уж не вспыхнут любовным пламенем: не горит лёд, и всё тут!.. Холоднокровны, как рыбы. Вот и уплыла рыбина... была чужая и осталась чужая.

“А коли так, то незачем было затевать, милая моя! Без вдохновения ребенка зачинать – последнее дело”.

Только ради будущего младенца согласилась она на то, что по её глубокому убеждению невыносимо стыдно и предосудительно. “Маленького хочу, - говорила она. – Он мне даже снится”. То было не влечение тела, а веление инстинкта – инстинкта продолжения рода. А почему именно его, Флавия Михайловича Соломатина, избрала она в качестве... Да просто потому, что чужой человек, легче будет похоронить свой стыд. Чужой-то уедет, и больше его не увидишь, следовательно, не будет глаза мозолить, лишних пересудов избежишь. Наверно, из-за этих соображений.

А когда она решилась-то? В котором из автобусов? Или уже по дороге из седа в деревеньку свою? Тут она остановилась посреди поля, словно протрезвев:

- Что-то мы с вами не то делаем, Флавий Михайлович.

Он молчал, смотрел выжидательно.

- Знаете что, идите-ка назад, - решительно сказала она. – Извините, конечно, что так получилось. Но вы же сами виноваты... Заигрались мы, не остановились вовремя. Ладно, я глупа, но вам-то в вашем возрасте надо поумнее быть.

Наступил момент, когда они, действительно, могли разойтись в противоположных направлениях, потому что и в нём это было: “Что-то мы не то делаем...”. И тогда не быть бы на свете тому ребенку, который теперь, возможно, будет.

- Попроситесь у кого-нибудь в селе переночевать, авось пустят. Скажите, что ищите дом под дачу... или что-нибудь другое сотрите, у вас ведь язык хорошо подвешен. Только про меня ни слова, ладно? Вы-то уедете, а мне тут жить. Завтра утром идет рейсовый автобус до города.

Трезвость её суждения, сам тон его были таковы, что кому-нибудь другому не оставалось бы шансов на продолжение дорожного романа. Да и обстоятельства происходящего охлаждали: зимняя

ночь, сирое снежное поре, неприветливый ветерок. Так оно и следовало сделать: попрощаться да и повернуть назад, если б речь шла о легкомысленном приключении. Но ведь у них-то иное – решалась судьба будущего человека: быть ему или не быть, жить ему на свете или не жить. Флавий Михайлович Соломатин, человек от рождения целеустремленный, признававший только осмысленные действия, посмотрел вверх, на ясное ночное небо:

- Видишь, звездочка упала – значит, умер кто-то. Этак они все попадают, и будет вверху только чернота.

Она не сразу поняла, о чем это он.

- Кто-то должен зажигать новые звезды, Оля! – сказал он тоном мудреца-звездочёта. – Дело святое. Раз начали, следует довести дело до успешного завершения. Это не в моих правилах. Пойдём.

Её опять рассмешило, с какой серьёзностью он говорит это; она махнула рукой:

- А ну тебя!

И ещё этот взмах руки означал: мол, будь, что будет.

3.

Соломатин сел, спустив ноги на холодный пол, и внимательно огляделся. Кровать, на которой он спал, была деревянная, самодельная, с резными столбиками, и занимала две трети пространства, выгороженного дощатой переборкой. Дверной проём в эту спальню закрывался занавеской, которая была теперь небрежно сдвинута. В передней неясно проступали очертания еще одной кровати, стола, комода, телевизора под кружевной накидкой, половиков на полу. Странно было видеть окна – они располагались низко, подоконники чуть выше табуретки, и почти вровень с подоконниками врублены в стену широкие лавки. Потолок тоже низок – когда гость встал, чтоб одеваться, едва не стукнулся головой о матицу, хотя ростом не слишком высок – едва выше среднего.

Включил свет и еще раз удивился непривычной обстановке вокруг. В переднем углу икона оказалась завешенной чем-то белым – скатеркой, вроде; это Ольга вчера, перед тем, как разбирать постель, занавесила ее: “Чтоб не видела Богородица мой грех...” Уродливый кованный крюк в потолке озадачил его: для чего он? Фотографии в деревянных рамочках: с одной из них на него, чужого человека в этом доме, смотрели трое парней лет по семнадцати-восемнадцати, в начищенных хромовых сапогах выше колен, в галифе, на каждом нечто вроде френча, с поясным ремешком и без него.

“Ишь, при галстуках... Щеголи!”

Один из парней был явно похож на Ольгу: те же большие глаза, широкие брови.

“Отец? Нет, пожалуй, дед...”

В избе за ночь выстыло. Пол казался просто ледяным. Торопливо одеваясь, Соломатин потрогал бок большой печи – она была холодна, будто мертва. К трубе вдоль матицы и грядки тянулась железная труба от маленькой железной печки, которую топили вчера. По-видимому, эта печка поставлена осенью, а по весне ее убирают; вчера она раскалилась местами добела, труба над нею обрела алый пояс – жарко стало в избе.

- Дров у меня нет, - сказала Ольга, словно извиняясь. – Всего несколько охапок. Не знаю, как и быть.

И упомянула недобрым словом какого-то окаянного Володю, который обещал привезти дров и не

привез.

“Холодная, нежилая изба... как холодная женщина, - размышлял теперь Соломатин. – Хоть сколько топи, хоть сколько ласкай, все без толку.”

Постоял он над печкой железной, соображая: если хотя бы обложить ее кирпичами, тепло держалось бы дольше... а еще лучше сложить маленькую кирпичную теплушку. Весной ее можно разобрать, а осенью ставить заново. Хитрость невелика.

Ему даже захотелось приняться за это дело. Знать бы только, где взять глины, кирпич.

Он прошелся по избе, с любопытством разглядывая все, что попадало в поле зрения; никогда раньше не был в таком жилье, но вот удивительно: его посетило ощущение, что все-таки ему это знакомо! Деревенская изба... обмерзлые окна... печка с длинной железной трубой, обмазанной на суставах глиной... Было! Но нет... откуда!? Никогда он не жил в деревне – этот мир для него так же далек, как мир Древней Греции или Рима.

“Во мне память предков, так надо полагать... В генах заложено: кто-то из прадедов моих имел такое жилье... с лавками вдоль стен и с большой печью... может быть, даже с с волоковым окном?”

Отнял заслонку у большой печи, заглянул внутрь и увидел чугуны, задвинутый в бок, где зола и угли; а из задней стены выпирали кирпичи, некоторые даже выкрошились.

“Как же она топит ее? – подумал он об Ольге. – Того и гляди обрушится все. Сколько еще может простоять такая печь – месяц или год? И на поду выкрошилось – чугуны как стоят?”

Вообще все в этом доме было как-то ненадежно: изветшало, состарилось, пришло в негодность. Тут явно не хватало хозяйской руки.

Он пошевелил ухваты и сковородник, прислоненные у шестка – рукоятки их от долгого употребления залоснились и обожжены. На залавке – это некое подобие шкафчика называется залавком? - валялась скорлупа сырых яиц; над кухонным столом обои пузырились, трещина в оконном стекле заклеена полоской бумаги.

Еще он отметил, что печь недавно побелена, занавесь у двери выстирана, однако это мало украшало кухню. Бедность проглядывала тут и там. Вон как источена жуком полочка посудная, залавок покосился...

Жалостливое чувство шевельнулось в душе Соломатина. Это было то самое чувство, которое больно отзывалось в нем, когда он видел где-нибудь на рынке или у вокзала старушку, продающую головку чеснока, пару морковок...

Половицы в кухне ходили ходуном, на них отчетливо выделялись черные пятна – небось, не доглядела Ольга за самоваром, вот и просыпались раскаленные угли; но сам самовар – он словно бы смеялся, стоя на скамеечке у печи.

- Да ладно тебе! – сказал ему Флавий Михайлович. – Стой себе где стоишь.

Тут же, в кухне, западня в подпол – ступить на нее было страшновато: она шевелилась под ногами, не провалиться бы.

Соломатин потянул за ввинченное колечко, чтоб поднять западню и посмотреть, что с нею, но кольцо это вдруг выдернулось, не подняв западни. Он покачал головой, нахмурился от досады.

Опять вышел в переднюю, выглянул в окно – перед ним была занесенная снегом дорога, за нею

голые, корявые ветлы, на них сидели две сороки; за ветлами сарай и заснеженное поле, за полем лес темным зубчатым забором, а за этим “забором” торчала колоколенка церкви. Тот край неба был уже по дневному ясен и лучезарен: там всходило солнце; день начинался погожий, бодрый. А из бокового окна видна была деревенская улица – несколько домов, каждый на особицу, между ними явно не хватало еще строений. Ольга говорила, что на всю деревню сейчас только три дома жилых, остальные пустуют в ожидании хозяев, а хозяева те – дачники из Москвы да из Твери.

По словам Ольги в середине деревни живет старуха Валентина (“тетка Валя”) лет семидесяти с лишком - она шибко больна, но еще ходит “на своих ногах”; а в дальнем конце – тех же лет баба Катерина с внучкой-дурочкой. Итого на всю деревню четверо жителей и ни дороги, ни телефона... Некому тушить, случись пожар; и некому лечить, случись с кем-то приступ болезни: никто не поможет, если явится сюда лихой человек...

Соломатин сел на лавку в задумчивости, опять выглянул в окно: серое небо, серое поле, серые деревенские избы... В размышлении прошел в кухонный чуланчик, сел там на шаткий стол, нехотя поел; мысли выстраивались в череду невеселые: “Вчера молоко, сегодня молоко... этак жив будешь, а с бабой спать не захочешь. Буженинки бы... или холодной телятинки... тарелочку борща с мозговой косточкой...”.

С чего это у Ольги такой здоровый, цветущий вид? От чистой воды да от чистого воздуха? С “теткой Валей” они держат корову “напополам”, то есть месяц Красотка стоит во дворе одной хозяйки, на следующий переходит к другой. Ага, значит, молоком питаются. А как же Ольга управляет с коровой, если целый день на работе? Ведь эту Красотку надо доить в полдень, да и кормить, поить... или корова святым духом питается? Воспоминаниями о лете?

Если бы кто-нибудь видел в эту минуту Соломатина – лицо его выражало недоумение и растерянность. Он чувствовал себя, как пресноводная рыба, выпущенная в море... или наоборот, как морская рыбка в реке – непривычная для нее и может быть даже губительная среда обитания.

Его стремительное сближение с Ольгой совершилось все-таки неестественным путем – не обычным и даже обязательным в таких случаях ухаживанием, обманом да оболещением, а... словно речь шла о приобретении Ольгой необходимой вещи: нужен, мол, ребенок, без него ей жизнь не мила. И хоть смягчался их разговор вроде бы шутливым тоном, однако же характер сближения был именно деловой.

“А я подрядился исполнить работу...”

Не сказать, чтобы “работника” вчера коробило такое положение, но и не радовало особенно то – он словно возложил на себя исполнение некоей общественной обязанности, которая в его-то годы...

“Но честь и достоинство настоящего мужика обязывало меня... - словно оправдывался он перед кем-то. – А что до моих лет – то это лучший возраст для мужчин”.

4.

Он оделся и вышел в сени. В темноте разглядел лестницу на чердак и лампочку электрическую над головой, но не нашел, где включить свет; догадался повернуть лампочку в патроне – зажигалась она именно таким образом. Две приступочки вели к двери с высоким порогом, запертой, судя по замочной скважине, большим внутренним замком – тут прируб, который Ольга называла горницей.

- А что в горнице? – спросил он у нее вчера. – Сундуки с добром?

- Мешок с овсом – кур кормить, бутыл с керосином – для фонаря; есть и сундук, но с таким барахлом, что годится только на огородное пугало, а больше ничего.

- Зачем же такой солидный замок?

- Дом строил мой дед со своим братом, за то их чуть было не раскулачили. Но пронесло, уцелели – жены их были из очень бедных семей.

- Не страшно тебе жить одной в такой хорошине?

- Привыкла... Вот сына рожу, будет мне оборона.

Еще одна дверь вела на “мост” – это уже над коровьим стойлом, с него спуск в одну и другую стороны – во двор и на улицу. И третья дверь была, пройдя которую, он оказался в смежных сенях, где налево еще одна горница, направо – вторая половина избы, тоже с низкими потолками, с русской печью, с лавками вдоль стен. На окнах тут висели пожелтевшие занавесочки, две потолчины косо спускались сверху вниз – Ольга однажды влезла на чердак и ступила там неосмотрительно – рухнули потолчины.

- То ли я тяжела, то ли они гнилые, - сказала она со смехом. – Хорошо, в бедрах широка, застряла, а то провалилась бы насквозь, до полу.

И добавила со вздохом:

- Дом у нас когда-то был самый красивый в деревне. А теперь устарел, того гляди повалится.

- Черт не выдаст – свинья не съест. Чего заранее о том думать. Вот когда повалится, тогда и подумаю.

Опять у него заныло, заныло где-то внутри от вида этой бедности и неустройства. Подошел к рухнувшим потолчинам, глянул вверх: прореха в потолке была закрыта сеном. Все по-бабьи, все неосновательно.

На шестке печи стоял большой чугунок, на полу у шестка – широкий тазик, тут же ведро и деревянная бадья; на лавке лежала сухая мочалка и кусок потрескавшегося хозяйственного мыла – Соломатин понял, что вторая половина избы служит хозяевам баней и прачечной. Что ж, если печь натопить пожарче... Он представил себе Ольгу сидящей здесь и охаживающей себя веником, и усмехнулся: “Чем не “Русская Красавица” Кустодиева”?

Вышел на улицу, остановился на крылечке, оглядываясь. Тропка вела к поленнице дровяной, а в ней охапки три дров, не больше. По словам Ольги какой-то Володя Окаяннов еще летом подрядился привезти на тракторе из лесу целый воз дров и даже взял у Ольгиной матери задаток – на две бутылки водки, но обещанного не исполнил и опять просил денег, говоря, что-де теперь цены повсеместно повышаются, потому и воз еще не привезенных дров подорожал. Ему опять сколько-то дали, а он опять не привез; после чего просил, бессовестный, снова, даже клялся и на колени вставал...

- Окаяннов – это прозвище, что ли? – поинтересовался Флавий Михайлович.

- Да фамилия у него такая! По паспорту.

- Бог шельму метит, - отозвался он хладнокровно.

Рядом с поленницей лежало несколько чурбанов, которые, надо полгать, сама Ольга пыталась колоть, но не одолела.

“Топливо-энергетический кризис”, - вздохнул он.

Сухая береза – просто ствол рогатый в толстых обрубках сучьев – у огорода; со ствола уже

ободрана береста; березу эту уже пытались подрубить топором, но, по-видимому, испугались: мертвое дерево может упасть на двор, проломит крышу. Еще одно дерево, стоявшее недалеко от дома, удивило Соломатина – это была могучая липа с неохватным стволом, могучей кроной – небось, ей лет двести, не меньше.

Огород завален снегом. Возле двора стоял наполовину разобранный стожок сена. Флавий Михайлович выдернул пучок, понюхал – пахло летом, даже пчелиное жужжанье почудилось; открыл ворота двора – да, тут было пусто, коровы нет: вчера вечером Ольга бегала за молоком к тетке Вале. На скрип ворот отозвались куры – они еще были на нашести, но проснулись. Петух грозно окликнул вошедшего – прозвучало как “кто такой”?

- Да ладно, не ктокай, - сказал ему Флавий Михайлович. - Сиди где сидишь... Чучело гороховое.

В сумраке двора с трудом можно было разглядеть петуха, он казался очень большим.

Флавий Михайлович пошатал загородку коровьего стойла – погнила, облепленная навозом; потрогал стоявшие в углу вилы с погнутым рогом – рукоятка кривая, кое-как обтесана; вздохнул и вышел, закрыл ворота.

Некоторое время он постоял возле переднего угла дома, глядя вдоль улицы. Она была пустынна. Тихо было, только ворона каркала, расхаживая по сугробу. Словно очнувшись, шагом решительным подошел к дровам, поискал, нет ли тут топора дроворубного, нашел его во дворе – щербатый топор, тупой, но дрова колоть годный – и принялся за дело.

Кряжистые чурбаны расколол – они его вогнали в жар и изнеможение. “Сказывается отсутствие практики”, - оправдывался он сам перед собой, сидя на ворохе поленьев. Две охапки отнес в дом и затопил большую печь, признаться, не без труда. После чего разыскал напильник, долго точил топор, потм приступил к сухой берёзе. Когда она рухнула в ту сторону, куда ей было назначено, он терпеливо пилил её двуручной пилой, откалывая поленья; то и дело наведывался в дом к топившейся печи. В избе уже потеплело, а выйдешь – веселый дым над крышей!

Работа нравилась Флавию Михайловичу, и чем дальше, тем больше. Дела, казалось, атаковали его со всех сторон, куда ни кинь взгляд – так и просятся: и то надо сделать, и это. Дела бодрили его, азарт уже владел им.

Он раскидал снег вокруг дома, приставил лестницу к крыше, полез сбрасывать его и оттуда. Сверху глянул – внизу старуха стоит в шапке-ушанке, худущая, согбенная, темноликая.

- А ты кто Ольге-то? – спросила она строго, не здороваясь.

Не так ли строго и петух давеча спрашивал?

- Друг, - отвечал ей Соломатин.

- Ишь ты... друг, - сказала она и, помолчав, решила. - Хахаль, небось. Чтой-то Ольга, с ума сошла? Такого раньше за ней не водилось, чтоб какой-то являлся...

- Хахалево дело – хахалить, - возразил ей Соломатин. – Как же, станет он снег с крыши сбрасывать!

- Может и впрямь друг, - сказала она, подумав. – Это хорошо.

- Плохо ли! отозвался Соломатин.

Он продолжал работу, а когда обернулся опять – старухи уже не было. Наверно. это была тётка Валя, совладелица коровы Красотки.

5.

Окошко в конторе запотело. Ольга потеряла его ладонью – сквозь мокрое стекло показалось, что гость её – один из тех пяти или шести пассажиров, садившихся в рейсовый автобус. Она облегченно вздохнула: до этой минуты тяжесть была на душе, а теперь сразу полегчало, Можно забыть, забыть...

День выдался суматошный. Народ в контору шел и шел, словно сговорившись; в коридоре и в бухгалтерии гвалд, ждали обещанную зарплату, новости обсуждали: утром возле Бараньковского моста в ручей трактор свалился, ночью обокрали батюшку Спасской церкви, мука в магазине подорожала чуть не вдвое, а хозяйственное мыло исчезло из продажи... какая-то Надешка выходит замуж в Савелово за спекулянта с большим кошельком, а какая-то Наташка, наоборот, развелась с мужем, уехала на Севера. Тут кассирша позвонила из банка: денег нет. Поднялся ещё больший шум, каждый чего-то требовал, пусть не от неё, бухгалтера, а больше от председателя Акимова: Ольга едва выпроводила посторонних людей из своей комнаты.

За неделю, пока она отсутствовала, в бухгалтерии накопилось столько дел!.. Прислали новые формы отчетности, в которых поди-ка разберись, а сроки все уж вышли, спешить надо. Она звонила в город, Акимов то и дело требовал ее к себе, к нему какие-то хитрые коммерсанты пришли, потом инспектор по налогам явился...

Обедала Ольга чаем с мятными пряниками за своим столом, заваленным бумагами. Вспомнила, что корову придется нынче забрать от тетки Вали, а как теперь успевать с домашними делами? Когда покупала корову, тетка Валя обещалась: “Ничего, я буду доить!” А теперь вот болеет, того и гляди, помрет еще.

Уже в темноте отправилась она в свою деревню, только теперь вспомнив вчерашнего попутчика, ставшего ее гостем и даже – о, Боже! – любовником! Дай Бог, чтоб никто не узнал... и дай Бог самой поскорее забыть, выбросить из памяти насовсем. Не было этого, не было.

С чего у них началось-то? В Новгороде оказались рядом на сидении, на выезде из города автобус приостановился, а как раз напротив их окна шел по улице мужик, пьян-пьянехонек. Шатало его из стороны в сторону, чуть не упал и сел на грязную кучу снега, бессмысленно глядя на лица пассажиров в окнах.

- Эх, болезный, - вздохнула Ольга. – С утра пораньше... Когда успел набраться?

А сосед в ответ ей:

- Много их, таких Иванов, на святой Руси. Каждый выпьет сто стаканов, только подноси.

Ольга рассмеялась, сказала:

- Теперь таких Иванов спонсорами зовут. Скажут: вон спонсор валяется.

- Суть юмора в подмене понятий, - объяснил он как бы сам себе.

По началу разговора, серьезного и неспешного, она поняла, что сосед ее – человек солидный, образованный, с таким отчего и не поговорить. Одет хорошо: в куртке на меху и в бобровой шапке. Шапку эту он держал на коленях, поглаживая, как кошку, зарываясь пальцами в мех.

Ольга вспомнила недобрым словом Володю Окаяннова – рассказала про этого “спонсора” незнакомому человеку.

- Мельчает наш брат, - согласился он. – Есть тому объективные причины! Качество среды обитания

ухудшается, а мужик – создание хлипкое.

Она ему в тон:

- Что верно, то верно: мужик нынче пошел мелкий, суетливый, ни на что не годный – пьяница, табашник, разбойник и матерщинник.

- Алкаш, бузотер и бабник, - подсказал он.

- Кабы бабник! – отвечала Ольга ему сквозь смех. – А то ведь... ребенка сочинить не могут.

- А что, у вас с этим проблемы? – спросил он прямо-таки заботливо, чем еще больше рассмешил ее.

Лет ему она определила за сорок, старый уже да и солидного вида, так что пошлого ухаживания можно не опасаться, отчего и не пошутить. Да и вообще он как-то располагал к себе: мужественное лицо, внимательные глаза, спокойный голос. Будь он киноактером, небось, исполнял бы роли любящих отцов да заботливых начальников.

- Да хоть бы и у меня, - сказала она.

- А муж на что?

Ольга поняла вопрос так: он хочет знать, замужем ли она.

- Был муж... вот такой же спонсор.

- Куда же вы его дели?

- Сам делся. Ну, помогла... кулаком в загорбок, коленом под зад.

Этого собеседник ее не одобрил.

- Нехорошо, - сказал он очень серьезно, но глаза улыбались. – Мужа надо холить и лелеять, воспитывать терпеливо и любовно, вовремя кормить, водить в баню, причесывать, утирать слезы, если заплачет. Не умеете вы, женщины, обращаться с такой нежной структурой, как мужик.

- Нежные, верно, - кивнула Ольга. – Не спят, не работают – только пьют.

- Казалось бы, вот телевизор – если его кулаком по темечку да коленом под доньшко, разве он лучше станет? – продолжал рассуждать сосед. – Мигнет прощально и заглохнет навеки. Как это вы, женщины, не понимаете, что муж – необходимая вещь в хозяйстве, а электроника и телемеханика в нем посложнее. Следовательно, бережней с ним надо обращаться, бережней!

- Ой, я ли не холила да не лелеяла! – стала оправдываться Ольга. – Авось, думаю, от ласкового обхождения возьмется за ум. Ан, вижу: не в коня корм. Теперь вот об одном жалею: хоть бы ребенок остался, все повеселей было бы... А в другой раз подумаю: слава богу, что не сумел, пьяница несчастный!

- Где ж ему суметь при такой решительной жене! – хмыкнул собеседник. – Он оробел, небось. Не знал, как и подступиться.

- Ну, а робкому-то нечего было и жениться!

- Что верно, то верно, - сказал ей Соломатин. – Это как в анекдоте: пришел мужик в публичный дом, а там все коридоры, коридоры... на каждом указатель: “для сильных”, “для решительных”, “для уверенных в себе”... мужику все не подходит. Дошел до последнего коридора, а там написано:

“Выход в город”.

Ольга засмеялась.

- Вот-вот, и мой был такой же. В город и уехал.

Тут впереди заскандалили двое, мужчина и женщина: кому сидеть у окна.

- Вот они, мужики-то нынче, - сказала Ольга. – Защитнички наши, заботнички, ухажеры – места не уступят женщине.

- Да откуда нынче настоящему-то мужику взяться! – сказал сосед, словно оправдываясь. – Климат суровый, а женщины круты на расправу. Эва что: мужа в шею... Давно это случилось?

- Давно. Уж забыла, как и кашляет.

- Пять лет назад, - определил он.

- Не меньше.

Они и дальше вели разговор этак же непринужденно, полушутливо-полусерьезно. Он сказал о себе, что работает на военном заводе и должность хорошая, имеет даже степень кандидата каких-то наук, но завод остановился, почти всех отправили в отпуск без сохранения зарплаты. Теперь вот хоть мухоморами на улице торгуй!

- Почему именно мухоморами? – спросила она, готовая засмеяться.

- Говорят, прибыльное дело.

- Странно, - сказала она, отсмеявшись. – Вы же человек с головой, и вдруг не нужны. Как же так?

- Государство заплешало, - объяснил он. – Нынче и доктора наук отхожим промыслом занялись: двери квартир утепляют, полы циклюют, на рынке луком торгуют. Ну, а вы чем заняты?

Она сказала о себе: и как зовут, и где работает, и что ездила к сестре в Новгород отпраздновать Новый год...

Так вот и беседовали.

6.

Ехать им предстояло долго. Во время продолжительной остановки в Валдае, Соломатин вышел размяться, и она, глядя на него из окна, думала, что вот же бывают нормальные мужики: не красавец, не больно складен фигурой и уж годами немолод, но что-то есть в нем такое – спокойное, уверенное, истинно мужское; о таких говорят: за ним, как за каменной стеной. И пошутить с ним можно, и серьезно поговорить. Ведь когда она бухнула: не с кем, мол, ребенка сочинить, он не ответил глупостью и хохотком, а воспринял это очень по-простому, с пониманием, что опять-таки понравилось ей.

“Кому достаются такие мужики? – и тогда, в автобусе, и теперь, шагая в свою деревню, думала Ольга с непонятной для себя обидой. – Небось, дура какая-нибудь владеет, не понимая, как ей повезло. Спокойный такой, серьезный, рассудительный. Да и непьющий, небось! От таких и детишки-то разумные да здоровые получаются”.

У старшей сестры, живущей в Новгороде, парнишечка растет, он уже двух с половиной лет, толстенький, румяный, баловник и затейник, зовут Шуриком. А теперь вот сестра второго родила,

Максимку, - этот совсем еще младенец. Пока гостила, Ольга без конца тетешкалась с ним, кормила из сосочки, подгузнички меняла, пеленала снова и снова, без конца гулюкала. Сестра Вера не выдержала, сказала:

- Эх, Оля, вот что я тебе скажу: роди. Наплевать, что мужа нет. Возьми напрокат чужого мужика, он и нужен-то на полчаса, спонсор этот.

Мать услышала, тотчас пристыдила дочерей:

- А вы полно, полно! Чего не дело-то городить!

- Да ладно тебе, мам, - отмахнулась Вера. – Ей вишь как ребеночка хочется. Возьмет моего на руки, так сияет вся.

- Замуж выйдет, заведет четверых, возразила мать. - Все честь честью, успеется. Как это без мужа ребенка? Каково одной вырастит?

- То-то ты нас вырастила не одна!

- Я – иное дело. Я овдовела.

- Ну и Оля вырастит. Что толку вон хоть бы от моего Тимохина? – Вера мужа своего почти всегда называла не по имени, а по фамилии: Тимохин. – Он у меня и сам вместо ребенка. Считай, что у меня не двое, а трое детей.

- Где его, мужа-то, взять? – вздохнула Ольга.

- Найдется! Али ты у меня собой плоха? – обиделась мать за нее. – Подойди к зеркалу, поглядишь. Сколько девок похуже тебя, да замуж вышли. И ты выйдешь. Суженого на кобыле не объедешь.

- За Володю, что ли, Окаяннова? Или за Борзова? Или за которого-нибудь из братьев Китайниковых? Эти хоть сейчас в мужья, только помани. Кого из них хочешь в зятя себе? То-то, что никого. А по мне лучше в вековухах остаться, чем за таковских замуж идти.

Вера слушала сестру сочувственно и сказала, что хорошего мужа не найти. Может и есть где-то, да искать долго и недосуг. Вот она за Тимохина вышла – как в омут головой. И рассказала про какую-то свою подругу, которая съездила по путевке то ли в дом отдыха, то ли на турбазу с единственной целью – найти на время подходящего мужика, чтоб с ребенком потом остаться. И нашла, и родила в свой срок, и растет теперь парнишка – ему уж скоро два года. А кто его отец – кому какое дело!

Тот разговор с сестрой и матерью как бы продолжился уже в автобусе с незнакомым человеком. И вот где-то возле Высшего Волочка, когда рассказ о племянниках снова возник, когда Ольга в очередной раз умилилась, вспоминая о Шурике да Максимке, этот Флавий Михайлович засмеялся и сказал вполне серьезно и дружески:

- Ладно, Оля, так и быть, раз уж вы так настроены, помогу я вам решить эту проблему.

Именно очень дружески сказал.

- Как это? – насторожилась она.

- От меня ребятишечки получают – эт-то, я скажу, хоть на выставку: крепенькие, ясноглазенькие,мышленные. Так что беру эту заботу на себя... А то ишь до чего дело дошло: демографическая ситуация в государстве нашем неблагоприятна – женщины не хотят рожать, а тут наоборот, хочет родить, да помочь некому. Непорядок.

У неё выплеснулся смех, именно выплеснулся; она смеялась неостановимо.

- У нас, Соломатиных, порода хорошая, - продолжал он невозмутимо и убеждающе, словно товар продавал да нахваливал. – Все как один – народ непьющий, некурящий, толковый, и каждый сам по себе что-то значит, чего-то достиг.

И хоть возникла от его неожиданного предложения некоторая неловкость, но рассеялась скоро, и предложение само по себе отнюдь не выглядело странным или пошловатым. И в дальнейшем разговоре эта тема – о будущем ребенке Ольги, который родится от него, Соломатина Флавия Михайловича – всплывала то и дело, неизменно повергая её в смешливость.

- Ну, что же, - сказала она, в очередной раз смахивая выступившие от смеха слёзы. – Я согласна. Раз мне такой специалист попался. Тем более, что порода хорошая. Вы за плату, или за так?

- В порядке гуманитарной помощи, - отвечал он с самым серьезным видом. – Ради поддержания чести и достоинства всего мужского племени.

- А не староваты для такого дела? – напрямик спросила она.

С её точки зрения он, конечно, староват – сорок четыре года Соломатину; а ей-то почти вдвое меньше. У него при желании дочка могла бы быть такого возраста.

- О, не сомневайся, - отвечал он без обиды. – Более того: это теперь я могу что-то, а молодому-то мне цена была не ахти. И, кстати, переходи на “ты”, поскольку мы становимся близкими людьми.

Шесть часов были они в пути, за все это время у них не возникало томительных пауз. Напротив, разговор этот сближал их все больше и больше.

Он рассказывал о том, как бывал в Германии, Швеции, Югославии – и не по туристическим путевкам – посылали туда в командировку. Он называл себя “специалистом по пустотам”, в этой области у него даже изобретения имеются. По его чертежам изготовили какой-то вакуумный механизм, с помощью которого можно и строить, и разрушать: любая железобетонная плита в мгновение превращается в щебень и любую конструкцию можно приподнять с помощью этого механизма.

Ну, тут Ольга не все поняла, а расспрашивать не стала, тем более, что он и упомянул-то об этом вскользь, а повел речь опять о Греции – не о нынешней, а о той, что была в античном времени.

Он рассказывал, как входят в гавань порта Пирей купеческие корабли... гребцы поют в такт весельным ударам, а на набережной стоят женщины и перекликаются с моряками... Как идёт богатая афинянка в сопровождении рабыни, несущей амфору, - от рынка мимо Акрополя и театра Дионисия – что она при этом думает, что видит, и как пахнет ветер, дующий на неё от залива Фалерон, откуда некогда отчаливали многие мифологические герои.

Он рассказывал, как выглядит этот самый Акрополь с его крепостными стенами, храмами Афины и Августа... говорил, удивляя Ольгу словами “дорические колонны”, “эолийские капители”, “ионический ордер”...

И посреди такой беседы иногда возникало: вот когда родится у Ольги ребеночек от него, от Соломатина... тогда-де, мол, будет то-то и то-то. Например, когда порастет, тоже отправится в Грецию.

На конечной остановке шуткам их должен был прийти конец.

- Ну, куда теперь? – деловито спросил Соломатин на автовокзале в Твери.

- Не знаю, как вам, а мне опять на автобус, - она никак не могла перейти на “ты” - все-таки он много старше её. – И еще полтора часа пути.

- То есть как это “не знаю, как вам”? – строго сказал Соломатин. – Ты что, забыла?

- О чем?

- Ну, ведь договорились. Мы не просто так встретились, тут перст судьбы: у нас должен родиться мальчик или девочка. На четыре сто весом. Так что нам и дальше вместе.

Все это он сказал таким тоном, словно они компаньоны в серьезном предприятии, и один компаньон хотел увильнуть от дела, а второй его укорил.

- Ну что ж, поедем, - сказала она.

Сказала с тем выражением, что-де если хочешь и дальше шутить, так ладно, шути-шуты.

И они ехали полтора часа на автобусе, причем Флавий Михайлович невозмутимо вел разговор о том, о сем – ни игривости, ни пошлости, ни галантного обольщения не было в его голосе. В небольшом районном городке, выходя из автобуса, Ольга спросила:

- Ну, ухажер, назад не пора?

- Только вперед.

Тогда она уже грубовато:

- А что, в городе для таких шуток пары не нашел? Вроде, мужик ты из себя видный и не совсем еще стар. Подыскал бы подходящую бабенку да и крутил бы с нею любовь.

Она словно нарывалась на ссору, чтоб таким образом остановить предосудительное, по ее мнению, развитие событий, но это от чувства неловкости, от смущения да и стыда, уже мучившего ее.

- Шутки да развлечения – это не для меня, - строго сказал он. – Я человек серьезный, основательный, люблю доводить всякое дело до конца. А у нас с тобой цель важная, не так ли?

- Ну-ну, - сказала она.

Мол, шалая дурь из тебя еще не вышла?

Ситуация эта хоть и смущала, но в то же время и забавляла ее: чем-то, мол, все кончится? Как он выйдет из положения?

И они сели на третий автобус, который минут через двадцать привез их в село. Выйдя тут, ее спутник сказал: “Ого!” и оглядывался, то ли дивясь увиденному, то ли просто запоминая.

- Ну что? – спросила она. – Еще не созрел, чтоб попрощаться да и назад? Не теряй времени, автобус стоит тут недолго. Садись и – назад!

- Куда идти, говори, - сказал Соломатин деловито. – Где твоя деревня? Где твой дом родной?

Автобус развернулся и уехал. Они стояли посреди сельской улицы, освещенной лишь двумя электрическими лампочками на столбах под абажурами размером в чайное блюдечко. По дороге приближались двое, женщина и мужчина, разговаривая громко. Ольга поспешно отступила в проулок, он не отставал...

7.

Теперь она той же дорогой привычно шагала одна. Улыбалась, вспоминая: где-то возле Торжка пели они... как-то так разговор повернулся, что он спросил, которая из песен у нее любимая. Ольга сказала: “Липа вековая”. Оказывается, он не знал такой песни...

- А у меня возле дома липа стоит! – сказала Ольга. – Громадная – страсть. Я возле нее выросла, потому и песню эту люблю.

И запела ему негромко:

*- Липа вековая
Над рекой стоит.
Песня удалая
Далеко летит...*

А он очень быстро усвоил мотив и стал подпевать. Так славно пели, хоть и тихонечко, но на них с улыбками оглядывались соседи. Та же улыбка была сейчас на губах Ольги.

Уже подходя к своей деревне, с замиранием сердца подумала, прислушиваясь к себе: а что, если и вправду забеременела как раз нынче ночью? Что, если в ней уже произошло это сцепление двух клеток в единое целое, которое теперь уж не разорвать; оно будет в ней, как семечко, упавшее в благодатную почву. Ну, да, она забеременела и родит теперь... Какое это чудо! И какое это счастье... Вот удивятся-то все! То-то пересудов будет, когда заметят ее живот. Уж позлословят: Ольга, мол, нагуляла, спуталась... “А и черт с ними, пусть болтают, пусть языками треплют, - подумалось ей весело. – Зато у меня через девять месяцев появится ребеночек... точно такой же, как у Веры”.

Она вспомнила маленького племянника, который так славно причмокивал во сне или когда сосал материнскую грудь, и уже улыбался – в глазах его было прояснение просыпавшегося разума! А как он славно лепетал: “Та-та-та”.

Вот и у нее будет такой. Не замечая, что и сама улыбается, Ольга подходила к своему дому и вдруг остановилась: в окнах горел свет. Она не верила своим глазам. “Тетка Валя пришла?” – мелькнуло в голове. Нет, та не войдет в дом без хозяйки. “Может, этот... ушел и не выключил свет? И свет горел весь день?” – так она подумала, но уже вспыхнула догадкой: он не уехал, этот самый Флавий Михайлович, любовник чертов! Не уехал.

Тропинки от крыльца к дровяной поленнице, ко двору были расчищены от снега, березовые чурбаны расколоты, уложены в поленницу, а с крыши снег сброшен; изба, словно освободившись от тяжести, смотрела на улицу бодро, вроде бы даже с торжеством. И вот еще чего: сухая старая береза уже не стоит возле огорода, она повалена, распилена.

Опасаясь неведомо чего, Ольга вошла в избу – тут было тепло, ее любовник что-то вытесывал, сидя возле маленькой печки, обложенной кирпичами.

- Ты не уехал? – изумленно спросила Ольга.

Могла бы и не спрашивать: раз сидит тут, значит, не уехал.

- Чего это я поеду! – ворчливо отозвался он, не прерывая работы. – С какой стати?

- Но я же тебе сказала...

- Ты сказала: сделай свое дело и уходи.

- Ну?

- А что ну! – возмутился он довольно благодушно. – Я твоим глупостям не потатчик.

- Как это?

- Мы ж к делу едва-едва приступили – это еще только “здрассьте”, это еще, так сказать, холодная закуска, а горячие блюда впереди. Мы ж только сели за стол пировать на празднике жизни, и вдруг: уходи. Это, по-твоему, умно?

“Какие еще “горячие блюда”?” – Ольга даже растерялась.

- Вот уж не ожидал, что ты отнесешься так легкомысленно к серьезному делу.

Он осуждающе покачал головой, а Ольга приходила в себя.

- А это серьёзное дело? – уточнила она и фыркнула от смеха.

- А как ты думаешь? – прямо-таки рассердился он. – Ребенка сочинить – это что, пустяки? Не куклу сделать, не щенка завести – живого человека создать. Че-ло-века! Я ж тебе не папа Карло, чтоб вот так из деревяшки вытесать. О живом человеке уговор был!

- Дурачьё дело нехитрое, - возразила Ольга.

- Не хитро распутничать, а у нас дело святое.

И тут он повернул разговор так, что она растерялась ещё больше.

- Что это ты, душа моя, так запустила своё хозяйство. А? – спросил он. – Куда ни глянь, везде непорядок: дверные дужки болтаются, того и гляди оторвутся; калиточка у коровьего стойла на одной петле висит; наличники на окнах перекосились; вон эта полка, которую ты грядкой называешь, она ж вот-вот рухнет, держится на одном гвозде...

Он и дальше перечислял мелкие и крупные неурядицы в её избе да на дворе, а закончил выговором:

- И ты решила обзавестись ребенком в таких бытовых условиях? Как он будет тут жить? Что его встретит в этом доме? Каким он вырастет? Или ты о таких пустяках не задумывалась?

- Нормально будет жить, - уже обиделась Ольга. – Конечно, моя изба – это не твоя городская квартира с ванной да теплой уборной, но и в таком жилье ребятишки вырастают не хуже ваших городских, а может и получше. Топором да рубанком орудовать – это не женская работа, у меня тут ни сноровки, ни силы.

- А что, у женщин рук нет? – тут он так ли строго да взыскательно глянул на неё, что она оробела. – Коли вытолкнула своего мужа в шею, то берись сама за мужскую работу. Другого выхода нет.

Она поняла, что тут не до шуток: “Ишь, избаловался командовать... Небось, жену свою жучит и мучит”. Странное дело: хоть и обидно было, но в то же время и понравилось, что он так строго с нею говорит.

- Взяла б молоток да гвоздь, приколотила бы эту... как её? – грядка, да? И дужку дверную, и вешалку, - не унимался он. – Или ты не в состоянии сменить заржавленный патрон и вкрутить в него лампочку? Хитрость невелика.

- Я женщина! – опять напомнила она.

- Ну, раз женщина, тогда...

Тут он стремительно встал, шагнул к ней, не обнял – сильно обхватил руками, прижимаясь всем телом, - у неё дыхание занялось.

- Ты с ума сошел, - говорила Ольга, слабо отбиваясь.

- Соскучился, - объяснил он совсем другим тоном, не рассерженным – ласковым. – Целый день ждал, ждал...

- Да уж ври-ка, - так и вспыхнула она. – Отпусти, вон угли из печки вывалились, пожар устроим.

- Ну ладно, с этим потом, - сказал он, отступаясь. – Раздевайся, садись к столу. И живей.

Отнял заслонку у печи, – в избе явственно запахло лапшей куриной. Да и вкусно так!

- Что это у тебя? Да уж не зарубил ли ты курицу? – насторожилась Ольга.

- Я на такие подвиги не гож, - отвечал он со смехом. – Договорился с какой-то старушкой, у нее купил, она и зарубила, и оципала, и выпотрошила. Себе взяла курью голову и ноги, сказала: “На холодец”, а мне отдала остальное.

- Сколько она с тебя взяла?

- Не твое дело. Ты только представь: я впервые в жизни топил русскую печь и опять же впервые варил лапшу в чугушке.

- Мы тут живем скупно, - за метила Ольга, словно оправдываясь. – Денежку тратим с оглядкой. Привыкли так. Лапшу-то с курицей не варим – сидим на молоке.

- Ну, не одной же простоквашей нам питаться! – он уже наливал из чугушка варево, аромат которого сразу покорила ее: этот мужик справился и с поварским делом. – К тому же следует чтить древнюю русскую традицию: возле брачной постели ставить блюдо с вареной курицей, чтоб любовники вовремя подкрепили угасающие силы.

Ольга смутилась и вспыхнула всем лицом. А он зачерпнул в ковшик воды:

- Я полью тебе... помой руки перед едой, - и проворчал: - Неужели трудно обзавестись рукомойником?

- А где я его повешу? Во дворе?

- Ну, хоть вот здесь.

- Мешать будет... Да, ладно! Я уж привыкла так: умываюсь над ведром.

Он ей строго:

- Оля, привыкнуть можно ко всему. Но надо ли ко всему привыкать?

Сели за стол. Он ей озабоченно:

- Послушай, не могу понять, зачем вбит в потолок этот дурацкий крюк? На случай повеситься, что ли?

- Этот-то? – Ольга глянула вверх. – Для зыбки. Туда вставляется жердинка гибкая, а на конец ее –

зыбка для ребенка.

- Вот дубина! – он хлопнул себя по лбу. – Ай да ученый муж: не смог догадаться. Конечно, для зыбки! Для чего же еще?

- И меня в ней качали, и сестренку... Да, небось, и маму мою тоже. Даже бабушку.

- Дом такой старый?

- Крюк еще старше, - усмехнулась Ольга. – Небось, служил и до того, как сюда его вбили.

- Ты и нашего ребенка будешь качать в этой зыбке?

- А почему бы и нет? – ответила она со смехом. – На чердаке стоит, резная, красивая, - не хуже нынешних кроваток.

Эта зыбка почему-то глубоко тронула Флавия.

- Действительно, - пробормотал он.

- Но ребенка еще надо родить, - напомнила она.

- Его еще надо сделать! – живо подхватил он.

- Разве можно так говорить!?! – возмутилась Ольга. – Боже мой, вы там в городе, совсем обессовестились.

Далее словно тучка над ними прошла.

- А что, в этом доме нет ни одной книги? – осведомился Флавий Михайлович, и в тоне его голоса был уже упрек. – Или они спрятаны в надежном месте?

Ольга ответила после паузы:

- А вот поживи тут, в деревне, я посмотрю, захочешь ли читать.

- Почему нет?

Она не ответила.

- Как же без книг? – сказал он, пожав плечами. – Я уверен, даже корове иногда хочется уткнуться в любовный или приключенческий роман, вроде “Манон Леско” аббата Прево или, к примеру, “Опасные связи” господина Шодерло де Лакло.

- Корове-то, может, и хочется, да некогда: ей молоко надо нагуливать, теленочка выносить в животе. Поди-ка, потаскай такое брюхо да такое вымя целый день – захочешь ли читать?

- И люди так?

- У людей работа, хозяйство, опять работа, опять хозяйство. Дрова надо заготовить, сена накопить, огород вскопать, посадить, поливать... корову доить, навоз выгрести... а тут еще, глядишь, крыша прохудилась, изгородь повалилась... Крутишься, как белка в колесе.

- Это я понимаю. Но если выпадет минута желанного отдыха...

- А в минуту отдыха месту бываешь рада – сразу спать.

- М-да... А есть прекрасные сочинения – на все времена, для всех поколений: “Золотой осел” Апулея, “Декамерон” Боккаччо, “Жизнеописания” Плутарха... - перечислял Флавий Михайлович, пребывая в задумчивости.

- Вряд ли все это есть в нашей сельской библиотеке, - заметила Ольга.

- Ах, у вас тут библиотека! – оживился он. – Чего же лучше! Принеси мне оттуда что-нибудь, а? Только не детективы и не фантастику. Я их терпеть не могу.

- Ты намерен долго гостить? – спросила она после паузы.

- Накоротке не управиться с главным делом, - отвечал он очень серьезно.

Опять помолчали: разговор важный.

- Может, свежих газет завтра принести? – предложила она нерешительно, тем самым соглашаясь на продолжительное его гощение.

- Избави Бог! Только не их... Последний том какого-нибудь собрания сочинений. Я люблю последние тома: там увлекательнейшие комментарии и примечания.

Он еще поразмышлял и сказал:

- Как же мой сын будет тут возрастать? Без книг...

- Сын? – переспросила Ольга. – Может, дочка? Я вот девочку хочу.

Он даже встал с лавки, возмущенный:

- Как девочку! Мы ж договорились вчера о мальчике! Ну, надо предупреждать... Тогда пойдем переделывать!

И схватил ее в охапку.

8.

Вечером пришлось им забрать Красотку на свой двор. Та была недовольна переселением, даже молока не хотела отдавать. Соломатин при свете слабой электрической лампочки отремонтировал ясли, укрепил ступени лестницы у мосточков под коровьим стойлом и дверцу в это стойло, и стекло вставил в малое окошко двора, которое было просто заткнуто соломой...

- Ишь, как хорошо, - похваливала Ольга и раз, и два.

Он ей на это:

- Мужик – он и в Африке мужик.

Спать легли, словно муж и жена, однако в постели она по-прежнему оборонялась от него, словно от насильника, хоть и не столь упорно, как в предыдущую ночь.

- Ну, хватит, - говорила она. – Уймись.

Одна-единственная мысль пробуждала в ней любовное чувство: “Маленький у меня будет...”. И от этой мысли глубинное содрогание отзывалось в ней, заставляло ее делать встречные движения;

руки хоть и неуверенно, однако же явно обнимали его, мужчину. Слово это – “маленький” – имело волшебное действие.

А Флавий Михайлович в свою очередь... Ни одна из женщин, которых он знал ранее, не вдохновляла его так, как эта Ольга. При том, что была чуть ли не враждебна к нему в постели. Он не возмущался – его это забавляло.

- Ну что ты лежишь, как дубовая колода! – тормошил он ее со смехом. – Как камень-валун, как глыба ледяная! Когда мужчина и женщина вдвоем, они должны самозабвенно трудиться – это творческое, вдохновенное дело! Грех двоим лениться в постели, это ведь не просто труд, а труд любовный – высшее проявление жизненных сил!

- Никакая не любовь, а обыкновенное распутство, - отвечала она. – Просто молодая баба, потерявши стыд и совесть, привела чужого мужика и уложила в свою постель. Вот и все.

В ответ он читал ей стихи:

*- Любви очарование исходит
От ваших слов, и я, внимая вам,
Не только вновь пылаю страстью сам,
Но верю – с милой то же происходит.*

- Что ты там бормочешь?

- Душа моя, я читаю тебе сонеты Петрарки. Он сочинил их для нас семьсот лет назад.

- Наверно, их надо читать не в постели?

- Отчего же! Место самое задушевное – постель.

- Да не тискай ты меня! И не трогай их, оставь их в покое.

- Там не тронь, тут не тронь, - ворчал он. - Ты ж красивая, цветущая женщина! Как я могу лежать рядом равнодушно? А ты должна вся огнем полыхать!

- Счас... распылалась.

Ночью случилось вот что: в самый ответственный момент подвела кровать. И смех, и грех: сломалась какая-то перекладина – вместе с матрасом и досками под ним любовники рухнули вниз, пружины зазвенели и стоечки деревянные с грохотом упали на пол. На мгновение и непроизвольно Ольга прижалась к Соломатину, словно они полетели оба в пропасть, но тотчас отстранилась, замерла.

- Первое объятие, - отметил он. – Видимо, для того, чтоб ты меня пылко обнимала, нужно землетрясение или извержение вулкана. Ну, что ж, еще не все потеряно.

Насколько ее сконфузило происшедшее – проклятая кровать! – настолько его развеселило. А Ольга встала и ушла от него, говоря в сердцах:

- Господи, что творим! Стыдно-то как! Ишь, кровать сломали...

- В том было ощущение полета! – возразил он.

- Вот навязался на мою голову! Ведь сказала же утром: уходи. Нет, не ушел.

- У меня правило: начатое доводить до конца, - невозмутимо объяснил Флавий Михайлович. – А ты

женщина безответственная и легкомысленная: к исполнению святого долга спусть рукава относишься, тяп-ляп, кое-как.

Она не отозвалась на это смехом, а продолжала чем далее, тем сердитее:

- Тетка Валя давеча: друг, говорит, у тебя появился – кто такой? А что я сама-то знаю? Смотри, говорит, небось, мазурик какой... И то сказать, может и мазурик. Ишь, что плетет про древнюю Грецию да про Рим! Ох, дурит он меня, клуху деревенскую! Ох, дурит...

Легла в передней на кровать, проговорила:

- Ой, как холодно тут!

А из спальни с постели, распластанной на полу, послышалось вдруг задушевное пенье про липу вековую, которая над рекой стоит.

*- Луг покрыт туманом,
Словно пеленой.
Слышен за курганом
Звон сторожевой.*

- Оля, подпевай, - распорядился он оттуда.

И она вернулась к нему... подпевать.

Именно в эту ночь Ольга сказала своему гостю с глубоким вздохом, с облегчением великим, словно исключительно важное дело свершила или словно до правды-истины докопалась:

- Ну вот... я только теперь поняла, что к чему... только теперь что-то расчувствовала.

И засмеялась, прижимаясь лицом к его плечу.

- Деметра, - сказал он, - ты становишься Афродитой.

Утром проснулись – еще только светало.

- Два сна видел, - сказал Соломатин. – Сначала приснилось – будто еду на велосипеде по-над берегом реки, а река внизу, в долине, вьется лентой. Утро будто бы этакое теплое-теплое, парное, с розовыми облаками на небе. А в реке купание по всему течению тут и там люди, крики, смех.

- Ой, и мне снилась река! – подхватила Ольга. – Я купалась, а платье да все прочее будто бы оставила и на том берегу, и на этом.

- Так это была одна и та же река, - решил он. – Ты, небось, видела меня на велосипеде?

- И уж просыпаюсь, думаю: как же я вот сейчас проснусь, а одежду-то свою по берегам не собрала еще! Может, думаю, мне подождать просыпаться, сначала собрать... А на мне будто бы уже платье, а пояска нет. Как же, думаю, без пояска-то? Распояской, что ли, ходить!

- Ты думаешь, это вещий сон? – размышляюще спросил Флавий Михайлович. – Он что-нибудь обозначает?

- Глупых да зряшных снов не бывает, - сказала Ольга. – Не поясок, а себя я потеряла... раз любовника завела.

- Не путай грех со святым делом.

9.

В обед она не пришла, как обещала, - небось, делами ее завалили; или приехал кто-то. Говорила, что комиссию ждут... Или налоговую полицию, есть теперь и такая.

Флавий Михайлович решил подоить Красотку сам, поскольку дело это им не испытанное; значит, надо испытать.

Корова никак не хотела признавать правомерными посягательства чужого человека на ее вымя; он уж угощал Красотку хлебом, подкладывал хорошего сенца – она отходила от него, едва он присаживался сбоку с подойником.

- Ну, мадам, - терпеливо убеждал он ее, - не будьте так строги. Я же не корысти ради, а творческого познания для. По большому-то счету вы не правы, мадам. Каждый из нас должен исполнять свой долг, каждый к чему-то предназначен. И не следует проявлять строптивость там, где это неразумно!

Но опять-таки: он был не из тех, кто отступает перед трудностями, и уговоры его увенчались успехом: покорила Красотка. Соломатин тискал ее тугое вымя, осторожно потягивал соски, опасаясь, что они могут оторваться. То есть, казалось ему, что вот если потянет сильнее – останется сосок в кулаке. Струйка молока попадала ему в рукава, в колени, в полы куртки или просто в навоз, в подойник перепадало мало. И все же маленько он надоил, испытав чувство гордости, словно провел научный эксперимент, принесший ему положительный результат.

10.

Ольга возвращалась с работы в необычном настроении: вот придет сейчас домой, а там уже ждет ее... сильный, умный, ласковый... и пахнет-то от него мужиком – это и не объяснишь... Пошутит, обнимет...

Она так и всколыхнулась вся от этих мыслей, и прибавила шагу. “Боже мой, - сказала чуть не вслух, - какое счастье, когда в доме мужик! Как это хорошо – быть при мужике. Надежно-то как, тепло-то как! И дом не пуст, и душенька-то моя не пуста...”

Ей даже думалось, что теперь и ребенка ей не надо, раз есть такая повада – почти муж. Но она тотчас отогнала эту мысль: “Нет-нет, ребеночка я хочу... как же без него?”

Не шла – на крыльях летела. Даже расплакалась счастливыми слезами, подходя к своей деревне, а потом к своему дому: как хорошо, что есть там живой человек... который ждет ее. “Вот уж верно говорится: готова ноги ему мыть и воду пить. Не так, конечно, но почти так”.

На крыльцо не взошла – вбежала. Сквозь сени в темноте... дверь распахнула с сильно бьющимся сердцем – все было так, как ожидала: “хозяин” сидел возле печки, которую только что растопил. Обернулся на скрип двери – лицо в играющих отсветах пламени, глаза блестят – он показался ей таким красивым, молодым...

- А-а, - сказал, - вот и ты.

И голос его отозвался в ней раскатистым эхом – небось, так колокольный звон отзывается в молитвенно настроенном человеке.

Она сняла пальто, поправила волосы:

- Так спешила, так спешила!.. Чего торопилась-то, дура! Словно на пожар.

Не в силах больше сдерживаться, шагнула к нему, вставшему возле печи, обняла без смущения, как жена.

- Соскучилась.

- Ишь ты, - он не ожидал такого порыва от нее, даже смутился немного.

Что с нею случилось? Обнимала и целовала, пылая.

- Вот всю дорогу думала о тебе. С ума ты у меня не идешь... Как до сих пор жила? Не жила – существовала.

- Я тебе ужин приготовил.

- Ничего не хочу – ни ужина, ни хлопот этих постылых о корове да курах... хочу к тебе.

- То есть вот так сразу, да? – уточнил он с коротким смехом.

Ответом было страстное содрогание ее тела и шепот горячий ему в ухо:

- Хочу к тебе.

Раздевались торопливо, помогая друг другу, не легли – упали, словно в азартном поединке сошлись – кто кого одолеет, кто кого поборет, победит.

- С ума сошли, - говорила потом Ольга, отдыхая. – Разве можно так долго!.. У меня сердце останавливалось, ей-богу.

- И у меня... Что ж, красивая смерть.

- Ох, с огнем играем.

- В том было ощущение полета, - возразил он. – Может, для того и живем.

- И почему я совсем не стыжусь тебя? Ну, несколько! Наверно, это плохо, да?

- Самое время – решать нравственные проблемы, - проворчал он. – Хорошо ли, плохо ли... стыжусь, не стыжусь. То дело не разума, а высших сил! Можно сказать, космических! Нет случайности в том, что мы с тобой встретились: на то была воля богов. Коли что-то не так – то их вина, а не наша.

- Снега кругом... и небо ночное над нами... а мы словно посередине мира, совершенно раздетые, как Адам и Ева. И звезды вокруг... так, да?

- Звезды рождаются на земле, - сказал он, размышляя о чем-то.

- Думаешь, и наша возшла уже?

- Взойдет, - отвечал он уверенно и огладил ее, лежавшую на спине, все ее тело – от двух больших холмов, которые он называл восхитительными, к животу и широкому развалу чресел. – Какая ты все-таки роскошная женщина!

11.

Уж поздно вечером встали – надо было управиться по хозяйству. Опять растопили печку, корову

доили вдвоем.

- Да не бойся, не оторвутся, - говорила Ольга, хохоча. – Ты вот так, крепче, сильней. Мужик ты или не мужик? Ой, руки обломать тебе надо, как ты это делаешь.

Потом, когда процеживала молоко в кринку, Соломатин сел рядом, сказал в задумчивости:

- Словно в запредельный мир попал. В другое тысячелетье. Все время вокруг необыкновенные звуки: вот шорох парного молока... скрип половиц... шум самовара... а то было – шелест соломы под ногами у коровы... шорох кур на шестистах...

- То-то сласть! – заметила Ольга с улыбкой.

Немного погодя, она вспомнила:

- Я тебе книг принесла! Ты просил... что-нибудь почитать.

Она вынула из сумки три книги, одна из них, толстая, Флавию Михайловичу была знакома. Он открыл книгу, стал читать:

*Не отступлюсь от милого, хоть бейте!
Хоть продержите целый день в болоте!
Хоть в Сирию меня плетьюми гоните,
Хоть в Нубию дубьем.*

У Ольги было странное выражение лица: словно захватившая ее мысль остановила улыбку, и та замерла.

*Хоть пальмовыми розгами – в пустыню
Иль тумакими – к устью Нила.
На увещанья ваши не поддамся.
Я не хочу противиться любви.*

Очень хорошо читал, последнюю строку повторил задумчиво.

- Вот, Оля, - сказал он, закончив чтение, - эти стихи написаны пять тысяч лет назад. Ты слышишь ли, сколько в них чувства? Тут и нежность, и преданность, и страсть, и торжество, и... счастье. Всего в нескольких строчках.

- Дай-ка я, - сказала она, отбирая у него книгу.

Стала читать, усмехнулась, села на лавку. Еще почитала:

*Улягусь я на ложе.
И притворюсь больным.
Соседи навещают меня,
Придет возлюбленная с ними.
И лекарей сословье посрамит,
В моем недуге зная толк.*

А Флавий Михайлович ей, не заглядывая в книгу:

*Взяла бы хоть в привратники меня!
Ее бы выводил я из терпенья,
Чтоб чаще слышать голос этот гневный,*

Робея, как мальчишка, перед ней.

- Пять тысяч лет тому назад? – переспросила Ольга недоверчиво.

- Может, четыре.

Она ему в удивлении:

- Неужели и тогда все было, как теперь? Целовались, обнимались... ревновали, надеялись, страдали в разлуке... рожали детей.

Её, должно быть, поразила эта мысль.

- Четыре тысячелетия – срок пустяковый, - сказал он.

- Ты даже не заметил, как пролетели, да?

- Не заметил, - подтвердил Флавий Михайлович с самым серьезным видом.

12.

Наступил день, когда за завтраком Флавий Михайлович сказал осторожно:

- Знаешь, мне пора уезжать.

Улыбчивое, счастливое выражение на Ольгином лице мгновенно сменилось - тень легла на него.

- Надо ехать мне, - повторил он виновато и погладил ее руку, лежавшую на столе. – Ведь у меня дела...

- У тебя отпуск, - напомнила она. – Завод твой простаивает.

- Это не значит, что и я должен простаивать.

- Но ведь... я еще не беременна!

- После такой-то нашей любви? Не может быть, потому что этого быть не может.

- Нет еще никаких признаков! А не ты ли говорил, что всякое дело следует доводить до логического конца?

- Я уже слышу победный звук трубы.

- А я нет. И еще ты говорил, что горячие блюда впереди.

- Горячие блюда уже были, - возразил он. - Мы их уже скушали.

- А сладкое на десерт? – не уступала Ольга.

Она говорила это с улыбкой, а на глаза навертывались слезы от внезапной обиды: он бросает ее... он хочет уехать... она ему больше не нужна.

- Из-за стола надо вставать с чувством легкого голода, - с серьезным видом пошучивал он. – Пресыщение – вот главный враг и здоровья, и любви.

- О тебе все забыли! Ты никому не нужен. Живи у меня.

-Я временно не востребован. Но сказано: стучите, и вам откроют. Поеду, постучу в дверь... У меня славное дело затеяно: одна лукавая частная фирма берется воплотить в материале мое изобретение, желая себя обогатить, а меня объегорить. Так вот, поеду договариваться о вознаграждении, желательно щедром. А то что ж я буду у тебя на содержании!

- О, ты честно отработал свой хлеб!

- Это утешительно...

Тут они разом засмеялись.

- Уезжай, уезжай, - сказала она. – Не думай, что я плакать да рыдать тут стану. Не таковская.

- Вот это разумно. Как ты раньше говорила: пинка под зад...

- Кулаком в загорбок. Только так и надо с вашим братом.

Напряжение спало немного. Он уже пошучивал:

- Вот поеду, в автобусе познакомлюсь с какой-нибудь молодой женщиной, она тоже захочет иметь ребенка... я у нее погощу недельки две. Потом к третьей... четвертой. Так и буду переходить из рук в руки. Славная профессия!

Ольга посмотрела на него: “Что ж, он может так шутить... Вот поедет, и рядом окажется женщина по красивей да и побойчее меня. Такой-то мужик каждой глянется!”

- Кошке смех, мышке слезы, - вздохнула она.

Попрощались они дома, “чтоб не на людях”, и Ольга ушла в село. Но когда увидела его из окна своей конторы на автобусной остановке, не выдержала, накинула на плечи пальто и прибежала к нему. И провожала, и перед тем, как войти Флавию Михайловичу в автобус, не стесняясь никого, обняла, заплакала.

- Я позвоню... - пробормотал он ей в утешение и подумал: “Где-то я уже это слышал: ты мне роди, а я перезвоню”.

Тут Соломатин, пожалуй, впервые в полной мере почувствовал, насколько легкомыслен его приезд сюда, насколько легковесен и предосудителен этот поступок. И еще на него повеяло как бы предчувствием беды... а если не беды, то чем-то очень серьезным, что будет иметь очень большое значение в его жизни. Это не конец – то, что он уезжает. Нет, не конец. Не завершение, отнюдь.

- Я обязательно позвоню, - повторил он.

Ей же было ясно, что он говорит затем лишь, чтоб хоть что-то сказать. В растерянности он, в неловкости. Она же почувствовала, как человек, ставший ей таким родным, отдаляется от нее, что уже почужал, и подумала даже, что никогда больше не увидит его, что теперь она осталась одна на веки вечные. Происходило потрясавшее душу отторжение родного – не человека, а целого мира! – от ее души... словно источник света отдалялся, и потому стремительно меркло все вокруг.

13.

Он уехал. Спасаясь от тоски и не находя себе места, особенно, когда приходила домой, где все о нем напоминало, она стала читать толстую книгу со стихами – ту, что принесла для Флавия Михайловича. Там было много непонятного, много странных, непроизносимых имен, но стихи о

любви – стихи эти отзывались в душе ее радостью и грустью, тоской и нежностью. В библиотеке сельской оказалась и книга под названием “Декамерон” – Ольга читала ее, дивясь и радуясь, то есть дивясь тому далекому миру, о котором рассказы эти, и радуясь, как все понятно и что “У них” там все так же, как и “у нас”.

Библиотекарша по ее настоянию добыла в городской библиотеке и старенькую книжку “Золотой осел” в ветхом переплете, с римскими цифрами года издания на титульном листе. Ольга читала и опять дивилась – дивилась не волшебству превращения человека в осла, а тому далёкому миру в целом. Вот почему Флавий так любит древнюю Грецию – она наполнена в его сознании солнцем, живыми запахами, веселым людским говором. Он любит её, как сказку, как живую историю, волшебную приближенную к нынешнему дню. И она, Ольга, полюбила. Там, во времена давние, библейские, была любовь такая, о какой и мечталось, и вот словно мостик оттуда перекинулся – из древности средиземноморской к ней сюда, в эту деревеньку... и в постылую бухгалтерию тоже.

Теперь, шагая домой с работы, она любила мысленно и вслух повторять стихи, написанные пять тысяч лет назад и запавшие ей в душу: “Ласточки я слышу голос: “Брезжит свет, пора в дорогу!” Птица не сердись, Не брани меня. Милый у меня в опочивальне. Радуется сердце...”

Как счастлива была та женщина... ласточка над нею раным-рано щебечет. “Птица, не гони меня”. То есть не напоминай, что пора уходить, расставаться. И как это хорошо: “Милый у меня в опочивальне”. То есть не буди его, он спит, он устал. А дальше там: “Стала я счастливейшей из женщин... Сердца моего не ранит милый”. Как это опять хорошо: не ранит ее сердца милый...

Ольгу глубоко трогали эти строки, прямо-таки до слёз. И смахнув слезу, она читала вслух, благо никто ее не слышал:

- К воротам обратив лицо – Вот-вот придет любимый! – С дороги не спускаю глаз. И каждый звук ловлю. Любовь моя забота. Мое занятие – ждать. Любви – и только ей! – Я сердцем поклоняюсь...

Это та же или другая женщина? Да не важно! Все они сестры...

“Все мы сестры”.

А египтянка эта – богатая госпожа – только тем и занята, что ждет, на ворота смотрит. И это так понятно!

- Послал бы скорохода, Чтоб вестник быстроногий Мне без обиняков Сказал про твой обман!..

По-нынешнему: послал бы телеграмму. Она тревожится, ревнует, та женщина, как ждут и ревнуют ныне:

- Признайся, ты завел другую! Она тебя прельщает. Возможно ль кознями своими Ей вытеснить меня?

От женщины той, что осталось в мире? За пять-то тысяч лет ни косточки, ни горсточки праха, а голос ее звучит... и вздох ее. Почему так? А потому, что горячо любила. Не любила б, так и вовсе ничего не сохранилось. А так – голос ее, счастье ее, душа ее. Не зря жила.

Никогда раньше стихи не интересовали и не волновали Ольгу. И скажи ей кто-нибудь, например, полгода назад, что будет читать их вот так вслух себе самой, - конечно, не поверила бы. Сказала бы: ну, тронулась баба... вовсе сумасшедшая.

14.

При многолюдье в конторе ей вдруг слышался его голос в коридоре за дверью – она вздрагивала, волна радости жаром окатывала ее; но тотчас следовало разочарование: ошиблась. Долго потом не

могла успокоиться, была рассержена, не могла сделать и простого расчета. А вечером домой шла всякий раз с надеждой: вот сейчас подойдет к своему дому, а там свет в окнах и дым из трубы... и любимый ею человек сидит перед печкой, мастерит что-то, напевая “Липу вековую”. Воображение подсказывало, как он обрадуется ее появлению, как обнимутся они, как потом, весело разговаривая, сядут ужинать – уж верно он что-нибудь приготовит вкусное к ее приходу!

“Какое это счастье – мужик в доме, - снова и снова думала она. – Как это людям везет в жизни! А за что ко мне-то судьба немилостива”?

“Милостива, милостива! – подсказывал кто-то. – Ведь ты его встретила, ты с ним была – и все тебе мало, мало...”

“Конечно, мало! – жарко возражала Ольга. – Сколько он у меня и пожил-то? Неделю...”

Однажды подумала, будто спохватясь: “Ни разу не вспомнил о выпивке, не завел разговора о водке... что за мужик такой!”. Ведь принесла для него бутылку, но он сказал: “Что ты! У нас дело святое... Нам с тобой пить нельзя: малышу это вредно”.

- Какому малышу! – засмеялась она. – О чем ты говоришь?

- Звездочка зажглась, - возразил он ей тогда.

Он даже вывел ее на крыльцо, показал ту звездочку, называя дивные имена созвездий, - Кассиопеи, Персея, Андромеды, Пегаса... Где-то возле созвездия с названием Северная Корона он и усмотрел новую звездочку.

- Вот смотри, - объяснил он. – Ты легко найдешь ее – это на полпути от Веги в созвездии Лиры до Арктура в созвездии Волопаса. Как раз между ними. Ее не было, клянусь тебе, а теперь есть.

- Да ну тебя! – смеясь, отмахивалась Ольга. – Там, между прочим, не одна, а две звездочки. Что ж мне теперь, двойню родить?

- Две?... Я вижу одну.

Шагая через поле, она досадовала, если небо затянуто тучами, и ей не видать звезд.

А в тот вечер он долго рассказывал о созвездиях, и получалось, что звездное небо над ними заселено живыми существами – зверями, богатырями, богами, исписано дивными названиями, загадочными знаками.

“Ну, не может быть, - говорила себе Ольга, - что так уж вот хорош со всех сторон этот Флавий!.. Должен же быть в нем какой-нибудь недостаток!”

И не находила недостатка. Добрый, умный, образованный... работающий, непьющий, хозяйственный... улыбка и, взгляд ласковы, голос заботливый... и всегда спокоен, рассудителен, совестлив... Голоса не повысит! Матерно не ругнется! Не обидит ничем.

“Да я и не достойна его, - думала Ольга. – Мне, дуре, только Окаяннов Володька пара. А от Флавия Михайловича и ребенок-то будет... особенный, не как у всех...”

“А он старый”, - подсказывал хитрый голос.

На это она только улыбалась.

Как он славно ее называл: “Душа моя...” Старомодно, даже манерно, а ведь как хорошо, как

ласково: “Душа моя...”

15.

Он позвонил уже в марте; голос его в телефонной трубке был так отчетлив, словно он находился в соседней комнате. Ольга всколыхнулась радостно:

- Ты где?!

Ей подумалось, что он уже приехал, что уже рядом.

- В Петербурге, - отвечал он ровным голосом, и тем самым как бы отодвинул ее на расстояние. – У меня тут кое какие хлопоты...

- Ты приедешь сюда? – спросила она, замирая.

- А разве в этом есть необходимость? – озаботился Флавий Михайлович.

Она молчала. О чем он спрашивает? Что подразумевает под “необходимостью” – ее желание видеть его или совсем другое?

- Оля, самый главный вопрос: “Да” или “Нет”?

Такая у них была договоренность: он спросит ее именно так, и она должна будет ему ответить.

- Оля, так что?

- Да, - сказала она и повторила громче. – Да!

- Фирма веников не вяжет, - отозвался он так же ровно. – Поздравляю нас обоих. Как ты себя чувствуешь?

Но тут в разговор их вмешалась городская телефонистка; чей-то голос скандально требовал какую-то Нюру, и неведомая эта Нюра кричала из-за тридевяти земель, ее не слышали, а телефонистка по этому поводу нервничала.

- Да погодите вы! – закричала и Ольга в трубку, рукой замахала на пришедших к ней и базаривших возле нее в бухгалтерии. – Выйдите, дайте поговорить.

- Как ты себя чувствуешь? – настойчиво спрашивал отдалившийся голос Флавия Михайловича. – Все ли у тебя благополучно дома? Ты почему молчишь?

- Хорошо! – крикнула она. – Благополучно! Ты приедешь?

Она хотела жарко попросить его, чтоб обязательно приехал, хотя бы на один день, что ей нужно сказать ему очень важное... но те, что явились к ней в контору, как раз уставились на нее во все глаза, паразиты несчастные...

Он ее, наверно, не услышал... Проклятый телефон! Проклятая контора, откуда не поговорить с человеком!

Несостоявшийся разговор хоть и огорчил, но и обрадовал ее. Не получилось разговора, но как все-таки не порадоваться: раз звонит, значит, помнит, авось позвонит и еще раз.

Чем больше размышляла она, тем тверже убеждалась: он хотел ей сказать, что приедет. Именно так:

хотел сказать, но не успел. Иначе зачем было бы звонить?

“А затем, - безжалостно возразила она себе самой, - чтоб узнать, беременна ли. Только это его и заботит. О, Господи! Да конечно же! Как тут не забеременеть! Али я больна, али ты нелюбим? С этим-то все в порядке, милый мой. Но мне тебя надо видеть, тебя!”

Нет, он не считает их отношения законченными. Может быть, даже скучает по ней? Почему бы и нет! Ведь так радовался ей, пока жил тут! Такие слова говорил!

История их нечаянного союза только началась, и продолжение впереди. Ну, не может быть, чтоб больше ничего! После такой-то их пылкой любви уехать, и все? Приедет... никуда не денется... Она подумала, что имеет власть над ним, женскую власть, которая достанет и до Петербурга. Ведь позвонил же!

И стала ждать.

Так прошла неделя, вторая, третья... День ото дня надежда ее таяла, и не было уже прежней уверенности: ее власть над ним, по-видимому, не распространилась дальше деревни... или дома... или постели. Увы, это так.

На исходе третьей недели после неудачного телефонного разговора, Ольга уже знала: все кончено, он не приедет никогда. И даже голоса не подаст. Он специалист по каким-то там пустотам, которому нет равного. За делами забудет о ней. Она никогда его больше не увидит.

16.

На работе у нее было так: то весь день, и второй, и третий особой спешки нет, можно чаи распивать, поболтать с заходящими в бухгалтерию, даже отлучиться куда-нибудь – в магазин, в церковь свечку поставить “к празднику”; к главе местной администрации (раньше была председателем сельсовета) наведаться, посекретничать с нею – подружки со школы, на одной парте сидели. А то вдруг подвоят дела – то отчеты, то зарплатные ведомости – ни минуты отдыха. Как волна – прилив, отлив.

В конце марта “волна” прихлынула. Ольга ездила в город насчет ссуд, которые были обещаны колхозу; ее вызывали для объяснений в налоговую инспекцию; оформляла пенсионные дела сразу на несколько человек... А дома своя череда хлопот: скоро водополица, а там и праздник Пасха – значит в избе генеральная уборка, стирка всего, вплоть до половиков; печь надо побелить, полы вымыть с дрсевой... А Красотке пора уже отелиться, но что-то она медлит, хотя все сроки прошли. Еще неделю назад тетка Валя увела корову к себе, но вот наступил день, когда она сказала Ольге:

- Ты, девка, нынче приди засветло – что-то, думается мне, к вечеру отелится наша коровушка.

И верно, не ошиблась тетка Валя: вечером при свете керосинового фонаря (электричество, как на грех, отключили) их Красотка отелилась. Немало помучилась бедная скотинка и хозяек своих помучила, но ничего, все завершилось благополучно.

От этих волнений да от бессонной предыдущей ночи тетка Валя прямо-таки с ног долой. “Ну, что-то я, девка, совсем никуда стала”. Конечно, годы не маленькие, да и питание скудное: картошка вареная да свекла пареная. Молока-то не было долго: Красотка в запуске. Откуда силы взять старухе!

Ольга не решилась оставить у нее теленка, а дождавшись, когда корова облизала новорожденного, закутала его в старый тканый половик и понесла домой.

- В санки положь да и вези, - посоветовала тетя Валя.

- А я так донесу.

- Эва, здоровущая какая!

Был легкий морозец, Ольга опасалась, как бы новорожденный не простудился, шла торопливо, запыхалась, ноша была отнюдь не легкая. А подходя к своему дому, остановилась, как вкопанная: в окнах горел свет.

“Мама приехала!” – мелькнуло в голове.

Но нет, раньше мая та не вернется, и уж прежде чем приехать, письмо придет.

“Да неужели он!?” – опухло ее радостью.

Не веря тому, что сейчас сбудется счастливая надежда, она поднялась на крыльцо, споткнулась о порог, чуть не выронила теленка, прошла сеньями, едва нащупала дужку двери – теленок слабо мыкнул у нее на руках – открыла – Флавий Михайлович сидел возле печки – “Любимый мой!” – что-то там мастерил...

- А вот и хозяйка, - сказал он так, словно и не уезжал никуда. - Э-э, да ты не одна... уже с ребеночком. Ничего себе, как быстро-то!

Пошутил, и тотчас подхватил ее живую ношу, опустил на пол – теленок неуверенно встал на ноги. Они смотрели на него оба и друг на друга, от волнения даже не поздоровались.

- Брюнет, - сказал Флавий Михайлович. – Ой, да он кудрявенький!.. Телочка или бычок?

- Бычок, - сказала Ольга, улыбаясь. – Ты давно приехал?

- Давно. Я уж наработался.

Ей хотелось обнять его... и не могла. Говорила какие-то глупости. А впрочем он не очень-то и вникал в ее слова.

17.

Нового жителя поселили под голбец, где Соломатин сделал ему выгородку. Теленочек совершенно умилил Флавию Михайловича да и Ольгу тоже: и моргал глупо, и ногами переступал смешно, а всего глупее и смешнее взмывал иногда.

- У нас уже был точно такой же три года назад, - озадаченно сказала Ольга. – Ну да, вот же белое пятно под глазом...

Но еще больше озадачился Флавий Михайлович:

- И у нас был точно такой.

- Где?

- В нашем имении, помню, паслось стадо телят, и один из них, тютелька в тютельку похож... Эй, а не ты ли это, приятель?

Признаться, Ольгу смущало, что новорожденную скотинку придется поселить в избе, но Флавий Михайлович отнюдь тому не удивился, и очень серьезно разговаривал с теленком.

- Послушай, а это не ты ли сжевал край моей льняной туники, пока я купался в Тибре, помнишь?

Ольге он сообщил деловито:

- Мы владели большим поместьем к северу от Рима, между Фламиниевой дорогой и Тибром. Я ходил в льняной тунике, мне ее выткала рабыня, купленная в Пирее у торговых людей из Кафы, - это на Понте Евксинском. А этот коровий сын сжевал чуть не наполовину, пока я купался, бросив тунику на берегу.

Теленок виновато моргал глазами, словно и в самом деле две тысячи лет тому назад совершил такое преступление. Что касается Ольги, то ей эти названия – Понт Евксинский, Фламиниева дорога, Пирей – ласкали слух. Ее не заботила правдивость его слов, она не настолько глупа, чтоб принимать это всерьез, главное – как увлекательно все, что он говорит!

- Вот ты совершенно напрасно не веришь, - сказал Соломатин улыбающейся Ольге. – Все возвращается на круги своя, уверяю тебя. Может быть, и ты жила там две тысячи лет назад, но не хочешь вспоминать, ленишься.

- Нет, - сказала она убежденно, - если я и жила две тысячи лет назад, то здесь, а не там.

- Как знать, как знать...

- Я даже у вас в Петербурге не могла появиться на свет.

- Вот как, - тут он нахмурился. – Я в этом слышу намек.

- Ни на что я не намекаю. Просто я здесь родилась и не хотела бы больше нигде родиться. Вот и все.

- Вот в этой деревушке, занесенной снегом?

- Именно в этой.

- Душа моя! Да ты только представь: безоблачное небо на все лето, апельсиновые рощи... не кусты, не отдельные деревья, а целые рощи! И на них апельсинов тьма-тьмушая.

- Зачем мне апельсины, у нас картошка есть, - ответила Ольга, смеясь.

- Виноградники наши спускались к Тибру. Идешь по дорожке, а виноградные лозы переплетаются над тобой... смотришь вверх – листья и грозди винограда пронизаны солнечным светом...

Говоря это, он нарезал проворно и сноровисто привезенную им копченую колбасу, сыр, грудинку... тонкие ломтики словно сами собой отделялись от его ножа.

“Что за мужик!” – дивилась Ольга, глядя, как он ловко это делает. А Флавий Михайлович, оказывается, уже и супчик сварил. Когда он успел?

- А мебель там какая была, в твоём имении на берегу Тибра? – спрашивала она. – Из каррарского мрамора, о котором ты рассказывал в прошлый раз? Мраморные кресла, мраморные кровати... так?

- О, лукавая женщина! – возмутился он. – Она смеется надо мной!

И рассказывал ей об украшенных резьбой креслах, о столиках с инкрустациями, о шкафах из палисандрового дерева, с золотыми пластинами и тиснением, о кипарисовых сундуках, о ларцах из слоновой кости и статуэтках из камня, привезенных из библейской страны Офир... Потом о растении под названием мандрагора, особо чтимом в Риме да Афинах; у этой самой мандрагоры,

оказывается, корень, как у дальневосточного женьшеня, - в виде человеческой фигурки. Из него делают волшебную настойку – утоляет боль телесную и душевную, исцеляет недуги и помогает в любви.

- Обойдемся, - сказала на это Ольга. – Что нам мандрагора – у нас лопух есть, а у него те же целебные свойства.

18.

На другой день пала теплынь на землю. Да и пора было ей пасть: уже середина марта. Солнце с утра взошло и пригрело по-летнему – хоть раздевайся до рубашки. Куры отчаянно кудахтали и снесли в корзине с соломой над дровяной поленницей пару теплых яичек – Ольга, подоив корову, принесла те яички с ликованием.

Петух, уже прозванный Прометеем за свой огненный хвост, то и дело взлетал на потемневший сугроб и победно горланил; ему откликались двое соперников с другого конца деревни. Флавий Михайлович, выйдя на крыльцо, его урезонивал:

- Ты ведешь себя вызывающе и дерзко. Не провоцируй зиму, а то опять грянет мороз – гребень отвалится.

Прометей поглядывал на него пренебрежительно и высокомерно то одним глазом, то другим.

Едва только Ольга ушла на работу, Флавий Михайлович принялся за дело. У крыльца скопилась талая вода – ни выйти из дома, ни к дому подойти. День теплый, снег подвдвлялся на глазах, оседая. Флавий Михайлович взял заступ, стал копать канаву мимо двора, через огород, вниз к ручью – по глубокому снегу, под сугробом пробил туннель. Занятие это подогревало в нем детский азарт; когда вода от крыльца тронулась и, шурша снегом, побежала по его канаве да ринулась в туннель и вырвалась опять на волю, под уклон – он даже засмеялся, а петуху с пламенным опереньем сказал:

- Оцени мое могущество, Прометей! Все мне подвластно: и воды, и снега.

Потом он наведалься к ветлам на другой стороне улицы – там выступала из снега обгоревшая печина: Ольга сказала, что дом тут сгорел три года назад. Осмотрев пепелище, Флавий Михайлович остался доволен: можно добыть несколько десятков кирпичей, годных в дело, им задуманное. Еще один дом был разобран на дрова года два назад – тоже осталась печина – если произвести раскопки, и тут можно пожить.

Ухая в снег, он спустился по огороду в низину. Тут бурлил ручей. Видимо, всю зиму он незримо тек подо льдом, но вот теперь взломал панцирь, и голос его обрел торжествующие ноты. Флавий Михайлович проследил его путь вверх и вниз по течению насколько хватало глаз и вспомнил сказанное вчера Ольгой: в ручей этот вот-вот пойдут нереститься щуки из большой реки; в прежние времена мужики деревенские били этих шук острогами, а теперь вот некому браконьерничать.

Но рыбное браконьерство не занимало Соломатина: тут, у ручья, был глинистый обрыв, про который опять-таки говорила Ольга; глина в нем, уже прогретая солнцем, для задуманного дела была ценнее, чем рыба.

Флавий Михайлович сходил за железной лопатой, выкопал нору в обрыве - в глубине глина была качеством лучше – ее-то и накопал, и наносил к дому старым дырявым ведерком.

Вот после всех этих хлопот он залез на крышу, сбросил снег и стал разбирать кирпичную трубу, спуская кирпичи вниз по скату крыши. Это была труба над нежилой половиной избы, ставшей на время баней и прачечной. Он решил разломать эту печь до основания и поставить на ее месте новую. Да и не кое-какую, а настоящую, как говорится, по последнему слову науки и техники:

чертежи такой печи на нескольких листах он привез с собой – не поленился сам начертить их заранее.

Никогда не приходилось ему класть печи, и даже не видел, как это делается. Его и воодушевляла новизна предприятия, потому он взялся за работу решительно и со вдохновением.

С крыши видна была безлюдная деревня, неровная тропка, уходящая к селу с церковью, ручей с красноватыми кустами, околица с протаявшими пригорками, поля еще заснеженные.

“Смотри-ка, грачи прилетели!” – вскинулся Флавий Михайлович: по снегу совсем недалеко расхаживал угольно-черный грач, и еще несколько их сидело на тополях возле старых гнезд, а кричали с исключительным нахальством и радостью.

Ту же радость и, пожалуй, то же нахальство чувствовал в груди своей и Соломатин; было в этом чувстве что-то знакомое, приплывшее к нему издалека, словно мотив забытой песни.

Покончив с трубой над крышей, перебрался он на чердак, там стал разбирать. Тут пришла тетка Валя, окликнула из сеней:

- Эй, Ольга, это ты там? Или домовой?

Соломатин спустился к ней в сени по лестнице, старуха узнала его:

- А-а, опять друг у Оленьки. Ну, не пройдет ей это даром.

- А что может случиться, Валентина... как вас по бабушке?

- По бабушке я Павловна.

- Так от чего вы хотите уберечь Ольгу, Валентина Павловна?

- А говорят: от собак – блохи, от мужиков – дети.

- Ну так хорошо! – сказал он бодро. – Дети – цветы жизни.

- Плохо ли! – вздохнула она. – Только вот ваше мужинское дело – погостил да и уехал. Знамо дело – не рожать. А баба потом мучайся с ребенком.

- Одно теряешь, другое обретаешь, Валентина свет Павловна, - возразил Соломатин. – Так уж устроена жизнь: за все платить надо. И ночи бессонные, и страдания, и нищета прижимают, но и голосок сыновний слышишь, и глазки его сияют тебе навстречу. У всякой женщины должны быть дети, иначе... как ей и на свете жить!

- Так-то оно так, - сказала старуха. – А случись наоборот: погостила баба у мужика – он бы и родил. И валандайся мужик с ребенком. Что ты на это скажешь, герой?

- А то скажу: случись такой порядок вещей, я исполнил бы свой долг.

- Ну-ну, - проворчала она. – На словах-то мы все горазды.

- Слова словами, а тут дело святое, - строго сказал Соломатин.

- Вот я молочка принесла, - сказала тетка Валя уже миролюбиво. – Попить надо... теленка-то. Ишь, какой! Тоже цветок жизни.

Видно было, что она еле-еле приплелась, и поить теленка сил у нее не было, только распорядилась:

- Молочко-то погрей... не до горячего, а чтоб только тепленько.

Флавий Михайлович мыл руки над тазом, поглядывал на теленка; мыл тщательно, словно хирург перед операцией.

- В миску налей, - подсказывала тетка Валя, - или в чугунок да сунь в печь, в жараток. Небось, там угольки.

Молоко подогрели, тетка Валя опустила в него палец, как термометр:

- Годится... Ты руку сунь в молоко и с пальцем ему давай, с пальцем... пусть сосет.

Теленок крепко прихватывал соломастинский палец, того и гляди откусит.

- Да не бойся ты его! – ободряла она то ли теленка, то ли Соломатина. – Чай, не волк, не заест тебя.

Соломастин улыбался.

Тетка Валя, видя, что дело это им уже освоено, уткнулась к себе домой.

19.

Теперь, заходя в жилую половину избы, Флавий Михайлович неизменно встречал дружелюбный взгляд теленка. А тот уже взбрыкивал, подкидывая тощий зад и поскользаясь на мокрой сололке. Ручеек от загородки выписывал загогулину к самому порогу.

Соломастин, проходя мимо, укорял:

- Нехорошо себя ведешь, Фёдор, нехорошо. Не по-мужски, несолидно. Ты извини, я откровенно говорю, с дружеской прямоотой. Я ж тебе посудинку подставил, учись быть культурным.

Имя Федор почему-то соответствовало юной скотинке, неведомо почему.

Ольга вернулась с работы вечером и застала великий разор в доме. Пахло печной сажей, кирпичной пылью, глиной... через сени натоптана была грязная дорожка на улицу, у крыльца стояла широкая желтая лужа. Но теленок был напоен, сололка у него постлана свежая, печь истоплена, что-то даже сварено – все путем.

- Ты что тут творишь? – озаботилась хозяйка. – Что ты нагородил?

Все обошла, все оглядела и вынесла решение:

- Правильно, чего тут: ломать – не строить... Ладно, потом печника приглашу, он поправит дело.

Не верилось ей, что ему, “специалисту по пустотам”, удастся справиться с таким делом.

А на другой день Соломастин сложил из обмытых кирпичей печку до самого потолка – сложил без глины, как бы понарошку, сверяясь по чертежам, но не на том месте, где ей полагалось быть, - у противоположной стены. Сложенная печка озадачила вернувшуюся с работы хозяйку, потом вызвала ее неудержимый смех.

- Ты что натворил? Разве ей там место?

- Я все делаю по науке, - невозмутимо сказал ей Флавий Михайлович. – Сначала проект, потом

макет, а уж потом само сооружение.

- А я подумала...

- Ты не усвоила главного, - сказал он ей, - род Флавиев – славный род! Мы все делаем основательно, не с бухты-барахты и не кое-как. У тебя будет возможность убедиться в этом, когда родишь.

- Не говори так: сглазишь. То же и с печкой: не хвались, идучи на рать, а хвались идучи с рати.

За два последующих дня он сложил печь уже как полагается. Все было в ней – и конфорочки, и вьюшка в трубе, и духовка, и заслонка для этой духовки.

Потом принялся Соломатин за настоящую русскую печь – это уже в жилой половине избы. И ее сложил – хоть хлебы в ней пеки, хоть щи вари, хоть валенки суши; и можно полежать на ней, погреться...

20.

Ольга не могла нарадоваться.

- Погубишь ты меня, - сказала она.

- Это как?

- А вот полюблю так, что и жить без тебя не смогу. Что тогда? В петлю?

- Да уж, другого выхода не будет, - деловито отозвался он.

- Я уже полюбила тебя!..

- Это неудивительно, - так же ровно отозвался Флавий Михайлович. – Я и красив, и умен, и добр... всегда трудолюбив и весел, в меру нахален – все лучшие мужские качества имеются в наличии.

Это он пытался свести все в шутку, но Ольга не расположена была шутить.

- Уезжай... а то у меня плохие мысли зашевелились.

- Обо мне? Гони их прочь!

- Нет, о себе. Знаешь, я нынче поймала себя на том... что не надо мне никакого ребенка, лишь бы ты был рядом. И чтоб удержат тебя, я уже на все готова... Так подумала: зачем ему беременная любовница! Какой прок? Надо избавиться от этого.

Он внимательно посмотрел на нее.

- Вот до чего додумалась... - сказала она сокрушенно. – Так что уезжай. Одно дело, когда женщина хочет ребенка, и совсем другое – когда ей, видите ли, только мужика надо.

- Грубовато ты о себе, - заметил Флавий Михайлович.

- А чего там! Какая есть.

- “Мужика надо” – это, Оля, жажда любви, - сказал он. – Она свойственна каждому человеку. Любовь дело святое. Не казни себя. А мне, действительно, пора.

И подумали оба вот что: прощание их надо сократить во времени, чтоб вся эта история не слишком тяготила потом.

Он уехал. Не обещая впредь ничего.

21.

В конце августа Соломатин получил деньги за свою работу – внедрили очередное его изобретение. Деньги были немалые. Не мешкая, он продал свой старенький “Москвич” и купил последнюю модель “Жигулей”. А купив, тотчас засобирался в путь.

Выехал из дома раным-рано, и за все время пути его не смогла обогнать ни одна автомашина. В Твери он хотел остановиться и позавтракать в каком-нибудь кафе, но передумал и отправился дальше. К полудню приехал в районный городок, а еще через десять-пятнадцать минут – в село, где Ольгина контора.

Он подъехал к этой конторе, зашел с деловым видом, - ему сказали: “Оля не работает: она в декрете”. Он кивнул в ответ на это и вышел. Никто не задержал на нем любопытного взгляда, никто не заинтересовался, кто именно приехал и для чего спрашивает Ольгу. Мало ли кому нужен колхозный бухгалтер!

Выехав на околицу, он остановился в недоумении, не узнавая места: дороги на Ольгино не обнаружил. То есть видел перед собою поле, засеянное овсом, и лес за ним. Дороги через поле не было. А он помнил, что именно за этим лесом будет деревенька, которой он не знал даже названия... и мысленно называл так: Ольгино. Впрочем, через поле сначала по меже, потом наискось вела тропинка, она едва-едва протоптана была, то есть по ней за день проходили два-три человека, не более.

Поразмышляв, Флавий Михайлович поехал по околице и спустился в низинку, в которой можно было угадать извилистое русло ручья, обозначенное зарослями кустов. Ручей, сделав несколько петель, скрывался за косогором. Тут Флавий Михайлович свернул с дороги и поехал пологим склоном. Справа было поле овса, а слева пойма ручья, кочковатая, заросшая кустами конского щавеля. А само русло заросло ивняком и брединой. Несколько раз Соломатин останавливался, проходил немного вперед, разведывал себе дорогу. Позади оставались две глубокие полосы от колес в высокой траве. От ручья несло густым медовым ароматом – это от таволги, уже доцветающей. Ручей шумел то сильнее, напористее, а то нежнее, мелодичнее; в одном месте он шумел и вовсе грозно – как водопад.

Флавий Михайлович ехал медленно, как бы шагом, опасаясь, что угодит в яму, не заметив ее в высокой траве. Застрянешь – кто поможет? Полное безлюдье вокруг. И верно, раза два машина нырнула мотором вниз, но ничего, выбралась.

Крыши Ольгиной деревеньки он увидел под горою. Отсюда открывался славный вид, который тронул его душу: дома выглядывали из зелени, на высоких тополях чернели грачиные гнезда... У него почему-то забилося сердце. Поймав себя на этом, Соломатин отметил: “Ишь, отзывается”.

Не торопясь, Флавий Михайлович подъехал поближе и вышел из машины. Его поразила тишина – только грачиный грай раздавался над деревней. День был тихий, ветерок не качал веток, а лишь шевелил листву да колыхал травы. Петух пропел...

“Это Прометей”, - отметил Соломатин, усмехнувшись.

Под старым бревенчатым мостом ручей разливался широко по песочку, по россыпи разноцветных камушков. Флавий Михайлович разулся, закатал штанины, обувку свою оставил у машины и перелез мелководье, дивясь каменной мозаике.

“Будет сынишка – прибежит сюда камушками играть”, - отметил Флавий Михайлович, словно приходя в себя, и опять усмехнулся.

От ближнего дома донеслись голоса, он увидел мужчину и женщину, и так определил, что это дачники; Ольга говорила, что городские живут в деревне все лето – три семьи. Одна – москвичи, еще из Воскресенска, и третья, вроде бы, из Твери.

Соломатину не хотелось попадать кому-либо на глаза, кроме Ольги, и он пошел не прямо в деревню, а вдоль русла ручья, и тут заросшего таволгой.

Он вышел к старому пруду, почти сплошь покрытому стрелолистом и зелеными клубочками тины, - о нем зимой говорила Ольга, что в нем тьма-тьмушая карасей. Это было истинно лягушиное царство; одна из лягушек спокойно смотрела на подошедшего к берегу Соломатина из воды, и вид у нее был умудренный.

На берегу пруда за кривой ствол ветлы был привязан на длинной веревке черный теленок с белым пятном, съехавшим со лба на глаз и ниже...

- Фёдор! – сказал ему Флавий Михайлович. – Здорово, приятель! Как ты вырос-то! Ну, я не ожидал...

Фёдор смотрел на него, недоумевая, и вдруг кинулся в сторону, пока не натянулась веревка.

- Ты что, не узнал меня? – укорил его Флавий Михайлович. – Нехорошо, брат, не по-дружески. Я ли тебя не поил, я ли тебе баночку не подставлял... Коротка же у тебя память! Неблагодарность – худший из пороков, запомни это.

Он подошел-таки к теленку, погладил – шерсть у него была на удивление шелковиста и тепла. Теленок боднул его – Соломатин покачнулся.

- Не фамильярничай, - сказал Флавий Михайлович. – Как-никак я кандидат наук, а ты кто такой?

Вдруг совсем рядом с пруда поднялась серая цапля и полетела низко, задевая за кусты опущенными длинными ногами.

Боковым зрением Флавий Михайлович заметил движение, обернувшись, увидел женщину, спускавшуюся к пруду с тазом белья: Ольга шла, тяжеломерно переваливаясь с ноги на ногу. Живот ее был так велик...

“Да что ж она, четверых решила родить!” – весело подумал Соломатин.

Она не видела его, и он окликать ее не стал, а сел на бережку, в ожидании, когда она посмотрит в его сторону. Вот спустилась к мосточкам, которых он сначала не заметил, поставила таз с бельем, выпрямилась... потуже подвязала платок, осторожно спустилась на одно колено, взяла из таза жгут белья, стала полоскать. Волны полукружьями расходились по пруду, колыхая водоросли и осоку. С противоположной стороны пруда обеспокоенно проквашали лягушки.

Это что же, его, Соломатина, сын будет жить здесь, в заброшенной деревушке? И детство его пройдет среди этой тишины, под грачиный гай?

Какой-то потаенный смысл будоражил ум Соломатина. Какая-то мысль вот-вот должна была родиться...

ЭПИЛОГ

Конец этой истории таков.

Нынешней зимой я отправился с моим другом Флавием Михайловичем Соломатиным (имя и фамилию мне пришлось немного изменить) в дальнее путешествие. Возвращались мы уже втроем: я сидел за рулем, сзади – мой друг с младенцем, которого он то держал на руках, то устраивал на мягком сидении, как заботливая и любящая мать.

По пути туда и обратно он рассказал мне, как познакомился с Ольгой, как полюбил ее – мужской разговор! – как ремонтировал деревенскую избу и подружился с теленком по имени Фёдор и с петухом по имени Прометей... как сложил настоящую русскую печь, в которой можно не только хлеба испечь, но и помыться!

Все это с подробностями – такой уж у нас был разговор – и только о смерти Ольги он сказал кратко, что для нее “несчастливо сложились обстоятельства”. Мне пришлось задать ему несколько вопросов, и он, сделав над собой усилие, пояснил, что когда у нее начались родовые схватки, она отправилась в ближнее село, а была холодная октябрьская ночь с ветром и дождем. В селе уже все спали, едва удалось достучаться до кого-то; в роддом ее повез на колесном тракторе некто Окаяннов, и был он крепко выпивши, потому дорогу потерял и ехал в полной темноте напрямик, по кочкам да канавам... а в роддоме не справились с осложнениями.

- Да некого тут винить! – сказал Соломатин с ожесточением. – Я во всем виноват! А больше никто. Оля, помню, сказала однажды: “Погубишь ты меня...” Вот и погубил. Зачем оставил одну в эту пору! Мать ее в больнице лежала... у сестры двое маленьких детей. Некого винить, кроме меня!

Я стал его утешать, говоря, что-де если бы знать, где упасть, соломки постелил бы. Но Флавий Михайлович не слушал.

- Оля вызвала меня телеграммой, - сказал он, хмурясь. – Я застал ее живой...

Еще удалось мне узнать, что был у них разговор в присутствии акушерки и двух медсестер, но подробностей этого он не пожелал со мной обсуждать. Наверно, расскажет потом.

Все это случилось четыре месяца назад; в течении этого времени новорожденный находился в роддоме; там его выкармливали молодые мамашы. А теперь вот отец вез маленького сына к себе домой.

- Едем сдаваться, - сказал Флавий Михайлович, скупно улыбнувшись.

Я подрулил к его дому, к его подъезду...

Вышли Соломатины, жена и дочь – уже взрослая девушка. Флавий Михайлович вылез из машины, бережно держа на руках младенца.

Признаюсь, мне любопытно все это было, и я не исключал неприятного развития событий. Но все произошло интеллигентно и благородно. Ничто не омрачило встречи; Галина Петровна приняла от мужа ребенка, тотчас умилилась:

- Да какой хорошенький! И, гляди-ка, вылитый отец.

Дочь ее ревниво отобрала у матери ребенка, тоже заглянула в личико:

- Здравствуй, братик!

И засмеялась.

- Как вам это нравится? – спросила меня Галина Петровна, женщина строгая, солидная.

Я ответил дипломатично:

- Очень хороший мальчик – спокойный, разумный, улыбочивый. Верите ли, за всю дорогу ни разу не заплакал! И главное, очень похож на Флавия Михайловича.

- Ну-ну, - сказала Галина Петровна. – Приглашаю вас на наше семейное торжество. Пойдемте...

Со стороны все выглядело обычно: отец привез домой маленького сына. Как говорится, дело святое.

Опубликовано 01.07.2004